

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИЗ МУХИ
ПОЛУЧИТСЯ
СЛОН

СЕК ЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Дарья Александровна Калинина

Из мухи получится слон

текст получен от правообладателя
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161445

Аннотация

Что бы делали оперативники без помощи отважных женщин, стремящихся внести свою лепту в борьбу с опасными преступниками! Мужчина вряд ли решится, имея минимум информации, начать слежку за подозрительной парой, ехать на электричке в пригород, проникнуть в дом, в котором преступники планируют ограбление. Пренебрегая дедуктивным методом и больше доверяя женской интуиции, две подруги, Дарья и Наташа, обнаруживают подпольный центр торговцев оружием, устраивают в нем засаду, успешно сражаются с бандитами. Милиции и ОМОНу остается только вовремя прибыть к месту боя и арестовать бандитов...

Содержание

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	4
ДЕНЬ ВТОРОЙ	38
ДЕНЬ ТРЕТИЙ	107
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Дарья Калинина

Из мухи получится слон

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Утро. Я проснулась с одним-единственным чувством – не позволить себе провести этот день в роскошном ничегонеделании. Зная по собственному многолетнему опыту, что нет ничего более мимолетного, чем благие намерения, заставила себя выползти из теплого гнездышка, которое за ночь получилось из одеяла и подушек, и сразу же пожалела об этом. Холодно в комнате было, как в ночь после празднования Нового года. Все можно было еще исправить, забравшись обратно под одеяло, но зазвонил телефон.

Звонила мама, чтобы сказать, что вечером ей придется-таки прийти ко мне в гости. Мама у меня замечательная. Она любит звонить, когда я только-только продираю глаза и еще решительно ничего не соображаю. И когда от меня можно в тот миг добиться чего угодно, захватив врасплох со сна.

– Сегодня ко мне намыливаются ненужные гости, поэтому вечером мне надо будет уйти, а так как всегда приятнее уйти не просто так, а к хорошему человеку, то я загляну к тебе.

Примерно что-то в этом духе я и ожидала услышать. Возможно, кого-то перспектива провести субботний вечер за

приготовлением парадного блюда может удручить, но только не меня. Готовить я люблю, но расстраивало одно. За 24 года нашего с мамой знакомства я успела хорошенько изучить ее и знала, что вероятность маминого визита ко мне составляет примерно 50 процентов. И я спросила, желая внести уточнения в составляемый нами план:

– Когда мне тебя ждать?

– Ты куда-нибудь идешь прямо сейчас? – не отвечая на мой вопрос, в свою очередь спросила мама.

– Я собиралась в гости к Светке, – покорно ответила я.

– Очень хорошо. Ты будешь дома в шесть часов?

Этого я не знала. Ведь никогда не известно, что может случиться. Но, в общем-то, я собиралась быть дома к шести и, чувствуя, что покрываюсь невидимым, но осязаемым слоем льда, попыталась выудить из мамы более подробную информацию:

– А как ты ду...

– Позвони мне часов в шесть! – прервав на полуслове, воскликнула мама и повесила трубку.

Так я и не поняла, ждать мне ее или нет, и, искренне удивленная таким странным маминым поведением, потопала в ванную, здраво рассудив, что ооченела за время нашего разговора уже до такой степени, когда помочь может только горячий душ.

Часа два спустя я уже подходила к дверям Светкиного дома, и тут друг за другом дорогу мне перебежали четыре кош-

ки. Я встала на месте как столб. Предстояло хорошенько поразмыслить о дальнейшем своем пути и внести в него всевозможные коррективы.

С одной стороны, вот он, Светкин подъезд, даже видны кнопочки селектора. Можно было бы войти, но количество кошек заставило меня призадуматься. Одна или две – это еще туда-сюда, я бы на них плюнула и смело двинулась вперед, но целых четыре? Что бы это могло значить? Скорее всего это предостережение. А вдруг в подъезде бандит? Ну, допустим, с одним еще можно потолковать, ну а если там целая банда? Что же мне, с ними со всеми воевать? Я же обычная девушка, а не Шварценеггер. Я не справлюсь. Надо отступить к метро. И к тому же оно совсем рядом. Никаких непоправимых изменений в мою жизнь это не внесет. К Светке я могу зайти в любое другое время. И, наверное, она еще спит или ушла в магазин. А я тут ходи и мучайся.

И из подъезда никто, у кого можно было бы спросить, не выходил, как на зло. До метро, кстати, было не так уж близко – это я погорячилась, но пара остановок на автобусе, который никогда не ходит, не смогли заставить меня передумать.

Если вы решили, что я форменная трусиха, то вы очень ошиблись. Я не трусливее большинства людей. Однако я знаю, чего именно можно ждать от своей судьбы, и стараюсь не спорить с ней. Если она не хочет, чтобы мы со Светкой встретились, то, пожалуйста, не надо. Поэтому я бодро трусила по улице, стараясь не глотать морозный воздух. И когда

уже видела роскошное здание метро впереди себя, я почувствовала, как земля выскользывает из-под одной моей ноги, почти сразу же подвернулась другая, и я шлепнулась прямо на обледеневший тротуар, но сразу взяла себя в руки, поднялась и сделала следующий шаг. На этот раз поскользнулись обе ноги и одновременно. Я плюхнулась в шаге от места предыдущей посадки. Для моего спасения ко мне кинулся какой-то пожилой дядечка с носом, как спелая груша. Поднимая меня, причитал так, как будто это он сам грохнулся два раза подряд:

– Милая барышня, как неосторожно. Вставайте, вставайте скорее! Я вам помогу. Вы не ушиблись?

Я в ответ застенчиво улыбалась, благодарила и пыталась отвязаться от него, потому что держать меня за рукав пальто было для него небезопасно, но он вцепился намертво, твердо решив довести свое благородство до абсурда.

«Ну что ж, так ему и надо. Пусть пеняет на себя», – зловеще подумала я.

Обычно я хожу хорошо, то есть твердо держась на ногах, но если уж раз поскользнулась, все – пиши пропало. Буду падать еще и еще. И потому ловким ударом по дядькиной лодыжке я вывела из строя его и еще пару теток, проходивших мимо, которых сбил с ног уже мой спаситель, но инициатором, разумеется, была я. Разуверившись в своих силах окончательно, я встала на четвереньки и быстренько переместилась на дорожку, посыпанную симпатичным песочком.

И на этот раз без чьей-либо помощи приняв вертикальное положение, слиняла. Ведь, падая, одна из теток рассыпала уйму сверточков, и что-то у нее там подозрительно громко звякнуло. Судя по запаху, распространившемуся в воздухе, это была банка с маринованными огурчиками, которым уже никогда не быть аппетитными.

Здрavo рассудив, что тетки с сумками и дядька с грушей вместо носа смогут разобраться и без меня, я нырнула в метро. Проехав три остановки без определенной цели, просто приходя в себя, поняла, что еду в Эрмитаж. Во всяком случае, я ехала в сторону Невского, и у меня в кармане было удостоверение, что я работник министерства культуры, а это наводило на мысль о посещении музеев, так как наше заботливое правительство пускает всех библиотекарей, кем я и являлась в свое время, бесплатно насладиться шедеврами мирового искусства. Я рассудила, что несколько лет работы на этой стезе должны были обеспечить меня правом прохода в Эрмитаж бесплатно. Надо было только, чтобы те, кто стоит на входе, разделяли мое мнение. Для них и нужно было удостоверение, которое я утаила при расставании с любимой библиотекой. Оправдывает меня то, что оставила я его при себе просто на память, потому что никаких льгот в то время оно не предусматривало. Они появились позднее, и теперь я намеревалась ими воспользоваться.

Я убедила стража на входе пропустить меня, показав ему свой пропуск в библиотеку (благо он был красного цвета), и,

пока этот страж порядка рассматривал мой пропуск, успела рассказать ему, что Министерство культуры разрешает пускать в музей бесплатно и без очереди всех обладателей подобных документов. Про первое он знал, про второе услышал впервые от меня, но поверил. И я вошла внутрь с видом человека, добившегося лично для себя причитающейся ему доли справедливости. Я постаралась не обращать внимания на злобное шипение из очереди таких же жадных до прекрасного людей, как и я сама.

Передо мной распахнулись двери на фотоэлементах. И вот я уже шествую по парадной лестнице дворца, лишь осторожности ради держась за ее гладкие перила. Уж очень она была захватывающе прекрасна. Я боялась свернуть себе шею, разглядывая роспись на потолке, как будто увидела ее первый раз.

Описывать музей я не стану. Каждый сам видел его неоднократно, а кто не видел, тому мои описания не помогут понять всего величия и великолепия залов. Вокруг безраздельно владычествовала красота, и я, как всегда в этих случаях со мной бывает, впала в состояние, похожее на транс, и полностью забыла о времени. Даже о том, что пришла посмотреть на Данаю, я вспомнила, только наткнувшись на необычно большое скопление людей в форме, толпящихся перед маленькой дверью. Конечно, маленькой она была только по меркам музея, в моей квартире она заняла бы все свободное пространство.

Стараясь не делать резких движений и снедаемая любопытством, я просочилась за эту дверцу и увидела несметное количество Данай. Все они лежали на роскошных постелях, на каких приличная женщина (пусть даже и принцесса) постеснялась бы просто сидеть, не то что валяться нагишом. На всех простынях, естественно, скопился многовековой слой грязи, и на диету этой особе сесть не помешало бы. Должно быть, неодобрение, которое я испытывала, отразилось на моем лице очень живо, потому что ко мне тут же подошел крепенький молодой человек. Хотя он был в штатском, но форма прямо-таки просвечивала сквозь его свитер и джинсы. Он спросил у меня:

– С вами все в порядке?

– Да, спасибо, – ответила я и, увидев, что он ждет продолжения, добавила: – Я подумала, что похудеть ей не мешало бы.

И засунула руки в рукава своего свитера. Свитер был больше на два размера и скрывал меня весьма основательно. Молодой человек быстро занял позицию между мной и картиной и как настоящий джентльмен предложил, чтобы не компрометировать меня вульгарным выталкиванием из зала:

– Здесь очень душно. Помещение маленькое, а народу тьма. Пойдемте, там прохладнее.

И, вежливо, но твердо взяв меня под руку, он провел меня мимо всех Данай в соседний зал, где вежливо осведомился:

– Вам уже лучше?

В этот момент я выпростала руки из рукавов, и уже хотела достать из сумки зеркальце и пудру. Для этого пришлось закатать рукава до локтей, потому что они мешали. Увидев мои манипуляции и голые локти, он моментально успокоился и оставил меня со словами:

– Вижу, вы и сами справитесь. Всего доброго.

Я хотела обидеться на его странное поведение, но вспомнила, что он на службе. И здесь же его начальник, который будет недоволен, если его подчиненные вместо охраны нарисованных красоток будут бегать по залам под руку с красотками во плоти, не представляющими для музея никакой художественной ценности. И тогда я направилась на поиски места, где смогла бы привести себя в приличный вид, чтобы следующий охранник уже не сбежал так легко.

– Вы не знаете, как пройти в уборную?—спросила я у величественной дамы в униформе. То ли она не знала, то ли я была похожа на кого-то, кто ей крепко насолил, но, следуя ее указаниям, я уперлась в лестницу, ведущую наверх. Никакого туалета поблизости не наблюдалось.

Иногда я думаю, как бы пошла моя жизнь дальше, не поднимись я тогда наверх. Но я поднялась и не увидела там ничего интересного для себя. Какие-то кусочки древних амфор, камешки, окаменелости, черепки. Еще там были бу-мажки, тоже, кстати, окаменевшие. Пройдясь по залам, отведенным под восточную культуру, я несколько воспряла духом и к тому же увидела симпатичную старушку, которая по-

казалась мне достаточно милой, чтобы дать точные указания по остро интересующему меня вопросу.

– Извините, скажите, пожалуйста, как мне попасть к выходу? Я буду вам очень признательна, – умоляюще почти простонала я.

На этот раз я была осторожнее и решила не упоминать про туалет. Добравшись до гардероба, и так его найду. Пошла в том направлении, которое указала добрая старушка, и скоро вышла к небольшой лесенке, где тусовались трое мрачных типов. Спустившись по лесенке, свернула направо и увидела две простенькие таблички.

Возликовав в душе, я кинулась к желанной двери. По пути обогнала одну девицу в лохматом парике и брючках, настолько блестящих, что мужики, должно быть, слепли.

– Вот ведь... – донесся мне вслед раздосадованный голос этой девушки, но я уже достигла вожделенной двери и отгородилась от всего мира. То, что туалет был, по всей видимости, служебный – именно так гласила табличка на нем, не остановило меня ни на секунду. Первое, что я заметила, подняв голову, была маленькая продолговатая коробочка, стоящая на крышке унитаза. Коробочка была совершенно здесь неуместна. В полном недоумении я протянула руку к непонятной коробочке, приоткрыла верхнюю часть и не увидела ничего. Коробочка была пуста. Хоть бы какой-нибудь клочок, а так – ничего.

«Ну что, нашла шедевр? Или, может, коробочка изнутри

отделана алмазами?» – издевался надо мной мой же внутренний голос.

«Заткнись», – посоветовала я ему.

Сделав непроницаемое лицо, толкнула дверь и тут же встретилась нос к носу с упомянутой выше девицей. Она мрачно оглядела меня с головы до ног и опрометью кинулась в ту же кабинку, которой воспользовалась и я. И это несмотря на то, что рядом находились еще две свободные кабинки.

Делать мне здесь больше было нечего, и я пошла побродить среди фараонов (я имею в виду египетских фараонов). Скоро я заскучала среди этих музейных покойников. Меня потянуло на улицу к живым людям, глотнуть свежего воздуха.

Выйдя на улицу, я немедленно закурила, что активизирует мой мыслительный процесс, и приготовилась долго размышлять над тем, куда мне направить свои стопы дальше. Чем занять себя? На эту тему я могу размышлять часами, а потом сделать обратное тому, что запланировано.

Времени вагон, и до шести часов спокойно можно успеть в кино, я давно собиралась посмотреть этот фильм, а в буфете можно будет выпить пива. Так я уговаривала себя, продвигаясь потихоньку к дому. Поняла, что делаю, когда до дома было гораздо ближе, чем до кино. Махнув рукой на кино, помирилась с собой на банке пива.

Вставляя ключ в замок, я услышала, как надрывается в моей квартире телефон. Когда я нахожусь в ванне, или толь-

ко что проснулась, или чищу селедку, или лихорадочно держу ключ (как сейчас) и пытаюсь войти побыстрее, то телефон звонит как оглашенный, но стоит мне добраться до него, как он замолкает. Но в этот раз я обставила его и успела поднять трубку прежде, чем он замолк. Звонила Светка, которая весь день просидела из-за меня дома и теперь жаждала общения. Она рассказала мне, как плохо спит ночью, а утром вообще не спит. И мы провели приятные четверть часа, утешая друг друга и делясь бабушкиными советами.

– Говорят, хорошо пить разведенный в теплой воде мед за час до сна, но я не могу, у меня на него аллергия, – кисло бормотала Светка, – и димедрол не помогает, и теплый душ перед сном.

– Димедрол ужасно вреден. Я дам тебе одно югославское средство, и ты заснешь как миленькая.

Потом мы рассказали о том, как не повезло нам обеим с нашими кавалерами

– Антон получил вчера два миллиона по-старому и истратил их на машину. Целиком. Она ему дороже, чем я, – жаловалась Светка.

– Я зашила Сашке рубашку, и он пообещал – сам, заметь, пообещал, я его за язык не тянула, что сводит меня в ресторан. И вот уже неделю не показывается.

Повесив трубку, я вспомнила о курице, спрятанной в холодильнике и давно мечтающей быть съеденной. Предполагая, что мама все-таки нанесет мне визит, я решительно на-

правилась на кухню. Взявшись рукой за холодильник, услышала еще один звонок.

– Ну что? – спросил драгоценный Саша вместо приветствия. – Куда мы с тобой собирались? В ресторан? Ты готова?

Несколько придя в себя и обретя способность внятно излагать свои мысли, я быстро выпалила:

– Конечно. Где встретимся?

Это был тот случай, когда надо было ковать железо, пока горячо. Насколько я изучила своего приятеля, стоило мне хоть немного замяться с ответом, и он вполне мог заявить: «Ну, тогда через недельку или как получится» – и исчезнуть еще на две недели.

Времени до встречи оставалось в обрез. Я была в своих любимых джинсах, которые от моей горячей привязанности изрядно поистрепались, и на голове творилось нечто невообразимое. Ох, уж эта прическа. Уму непостижимо, как некоторым удается изо дня в день сохранять подобие порядка у себя на голове. Обреченно осмотрев себя в зеркало, я схватила фен и с его помощью слегка причесалась. Ни на что другое времени уже не было. И, оставшись в своих любимых джинсах и жилетке, выбежала из дома прямо навстречу неизвестности. Как оказалось, бежала зря. Я забыла дома проездной билет, без которого в метро бы не пустили. Или надо было бы покупать жетон, а за ними всегда такая очередь, что лучше было вернуться за проездным. Вернувшись,

я забыла выключить свет, и мне пришлось опять вернуться. На все про все ушло минут пятнадцать.

Оба раза я натыкалась на мужика, слоняющегося возле лифта и испуганно шарахающегося в сторону при моем очередном приближении. В другое время я бы заинтересовалась его маневрами и необычной реакцией на мои появления. Но сейчас мне было не до таинственных субъектов, крутящихся возле соседских дверей.

До места встречи с любимым я добралась быстро, всего пару раз сцепившись с другими пассажирами. Увидев меня, Сашка вытаращил глаза так широко, что я испугалась, как бы они у него не вывалились.

– Что ты с собой сделала?

Это было первое, что я услышала от человека, который встретил меня после недельной разлуки, но не обиделась и в свою очередь бросилась в атаку:

– На себя посмотри, чучело. И что это у тебя с глазами? Ты накурился?

Это действует на него безотказно. Он начинает мяться и краснеть всей шеей. Совершенно теряется, и дальше я могу делать с ним все, что угодно. Но в этот раз я удовлетворилась тем, что он отказался от критики моего внешнего вида. Я успокаивающе улыбнулась, и он перестал мямлить какие-то оправдания.

– Пойдем. Я надеюсь, что ты помнишь адрес того местечка, куда хочешь пойти.

Никакого адреса я, конечно, не помнила. Я не сошла еще с ума, чтобы помнить адреса всех баров, где бываю. А тем более где еще не бывала. Быстро ответила:

– Это на Фонтанке, слева от моста.

– А далеко до нее?

Этот вопрос меня, признаюсь, огорошил. Напомню, что были мы уже на Невском.

– Как мы туда доберемся? – продолжал допытываться Саша.

«Ну уж нет, голубчик, это придется решать тебе самому», – подумала я про себя.

Правильно истолковав мое молчание, Саша начал ловить машину. Когда вам нужна свободная машина, то все они будто сквозь землю проваливаются. В остальное время ездят мимо вас взад и вперед, иногда призывно замедляя ход. Но на этот раз тачка нашлась быстро, и в ней сидел тот еще жук, который, вместо того чтобы отвезти нас прямо ко входу в кабак, объехал Катькин садик, Пушкинский театр и через Ломоносовскую площадь по Фонтанке вернулся к Невскому. И, гордо глядя на нас, сказал:

– Видите, доставил прямо ко входу.

Мест в ресторане не было. Этого я не ожидала. Но тут положение неожиданно спас Саша. Вопросительно глядя на меня, он сказал:

– Но тебе не очень хочется сидеть тут, правда? Пойдем лучше в другое место, где поиграем на бильярде. Ручаюсь,

ты будешь довольна.

Так как шум стоял оглушительный, я ничего не расслышала и заорала в ответ:

– Сашенька, поехали куда-нибудь еще! Здесь совершенно невозможно!

Видимо, расслышав только последнее слово, он схватил меня и сунул его мне под нос, заявив при этом:

– Здесь ничего интересного не готовят, мест нет, но я готов сидеть в этом адском шуме только из-за тебя. Здесь нет бильярда и игровых автоматов, но садись!

Я немного расстроилась из-за его непонятного желания оставаться тут, но покорно забралась на высокий стульчик возле бара. Чувствовала я себя очень неуютно. На мое счастье, он наклонился к самому моему уху, и я отчетливо услышала его. Он сказал чудесную фразу, которая разом подняла мне настроение:

– Все же здесь не очень приятно. Может быть, ты согласишься поискать другое заведение? А сюда вернемся потом, когда будет меньше народу.

Я обрадованно затрясла головой в знак согласия. Не вдаваясь в дальнейшую дискуссию, мы выбрались на свежий воздух. В дверях столкнулись с мужчиной средних лет, который галантно уступил нам дорогу. Вид у него при этом был крайне смущенный. Я бы не обратила на это внимания, но вспомнила мужика, ошивавшегося около лифта, который смущался точно так же при виде меня. Внутри теперешний

мужчина не прошел – было видно, что встреча с нами полностью изменила его планы.

Но на небе так загадочно поблескивали звезды, так мягко светила укутанная тучами луна, что я выбросила из головы всех мужчин, кроме одного, стоящего рядом со мной. Пушистый снежок лежал на кронах деревьев и играл отражениями огней города. Словом, погода была самая что ни на есть романтическая. Ветки лип перевивали гирлянды крохотных фонариков, и казалось, что это тысячи светлячков собрались на какую-то свою вечеринку. В такой вечер хорошо немного пройтись вдоль реки, в которой застыли в причудливом узоре переломанные судами льдины. Берега реки должны быть спрятаны под элегантную гранитную броню. И рядом должен быть молодой человек, который вам безразличен и которому безразличны вы.

Все эти условия были налицо, поэтому я совершенно справедливо полагала, что вечер и прогулка удадутся на славу. Но Сашка, похоже, не испытывал ничего похожего. Потому что я очнулась от своих мечтаний, когда он запихивал меня в свежепойманную машину. Одновременно с этим он объяснял нам с шофером, куда мы сейчас поедем.

С грустью я поняла, что чудная прогулка по вечернему городу отменяется до лучших времен. Заведение, куда мы сейчас отправлялись, я уже хорошо знала. Там обычно и проходили наши с Сашкой свидания. Находилось оно в пяти минутах ходьбы или даже меньше от станции метро «Площадь

Восстания». Именно от площади Восстания и начался для нас сегодняшний вечер. Так что теперь мы возвращались к исходному пункту.

С самого начала машина ехала какими-то очень уж странными рывками, словно у нее перехватывало дыхание. Эта ее особенность становилась крайне заметной перед светофорами. Я заинтересовалась таким необычным поведением машины и уже хотела спросить водителя о причинах ее нестандартного поведения на дорогах, но с вопросом меня опередил Сашка.

– Что она дергается? – недовольно спросил он.

Сашка вообще-то редко бывает кем-то доволен. И к тому же любит уличать кого-нибудь в непрофессионализме или просто легкомысленном отношении к делу. Для него нет большего удовольствия, чем, обнаружив такого человека, начать его расспрашивать о его работе, в которой тот не слишком смыслит. Вот и на сей раз.

– Что случилось с вашей машиной?

– Сцепление полетело, – равнодушно ответил водила.

Сашка тут же кинулся в атаку:

– Зачем же вы ездите на неисправной машине? Ведь так и до беды недалеко.

Тут до него дошли слова водилы, и он задал вполне резонный вопрос:

– Как же мы тогда едем?

– Мистика, – так же равнодушно, как и прежде, ответил

водила. – Не должна ехать, но едет. Доехали. Вылезайте.

Мы послушно вылезли и внимательно проследили, как, двигаясь своим необычным ходом, машина отъехала на приличное расстояние и скрылась за углом. Только после этого мы вошли в бар. Там было тепло. Я бы даже сказала, очень тепло. Но нам, вошедшим с улицы, это показалось даже приятным.

Мы разделись в гардеробе и прошли к стойке, где Сашка немедленно заказал для меня порцию «Белиса», который здесь подавали со льдом, а себе «Мартини». Еще он взял бутылку пива, непонятно для кого. И метнулся быстрее лани наверх, где стояли бильярдные столы. Мне оставалось только прихватить его коктейль, мой ликер и устремиться за ним следом, мечтая ничего не расплескать и не споткнуться обо что-нибудь. Я благополучно обогнула несколько препятствий и одолела подъем по узкой лестнице. Оказавшись у столов, я была встречена недоуменным вопросом:

– Чего ты так долго? Копуша!.. Скорее хватай кий и поставь стаканы наконец. Боже мой, тебе все, все надо объяснять.

Я уже успела привыкнуть к его манере шутить. Раньше она меня пугала чуть ли не до слез, но потом я научилась не обращать внимания на такие мелочи. Не торопясь, я поставила стаканы и еще успела сделать глоток из своего.

– Не знал, что ты пьешь. Никогда бы тебя не пригласил, если б знал, – немедленно отреагировал Сашка.

– Я тоже не предполагала, что ты запиваешь «Мартини» пивом.

– Мы сюда играть пришли или ты будешь болтать о том, что никому не интересно?

Мятеж был подавлен в зародыше. Мы приступили к игре. О том, как Сашка играет, следует рассказать отдельно. Его игра удивительна по стилю, который существует в единственном экземпляре и стоит того, чтобы увековечить его для потомков. Игра полна правил, известных ему одному, и он возмущается, почему другие их не знают. Мало того, в ней есть правила, которые полностью зависят от его хорошего или дурного настроения, и запомнить их абсолютно нереально. Он путает свои шары с чужими, забывает, что уже бил и промазал, и пытается бить вне очереди. Играя с ним, нужно держать ухо востро. Доказать его же собственную неправоту невозможно. Лучше и не пытаться. Он с большим удовольствием потратит минут сорок на то, чтобы объяснить, почему сейчас должен бить именно он, чем признается, что был не прав. Поэтому, наблюдая за его игрой, соскучиться нельзя, так же, как и невозможно самому получить удовольствие, играя на пару с ним.

Начинается игра всегда одинаково. Сашка самолично разбивает пирамиду и не разрешает никому вступить в игру, пока он не забьет первый шар.

– Но позволь, сейчас моя очередь. Ты уже бил, – пытается протестовать его партнер, – и по шару не попал.

– Я разбивал пирамиду, поэтому имею право на дополнительный удар.

Промазав снова, он ненадолго отходит, уступая поле битвы партнеру. Под пристальным взглядом любой человек теряется, и партнер не исключение. Он тоже мажет. Очередь бить Саше. Удар, еще удар, и шар в лузе. Второй шар – белый – тоже в лузе. Теперь право удара на два хода переходит к партнеру. Он прицеливается, опасно косится на Сашу. Тот хранит гордое молчание и даже не смотрит в сторону стола. Партнер успокаивается, примеряется – и вдруг раздается:

– Разве так держат кий? Ложку с кашей так держи!..

– Отстань...

– Нет, в самом деле, ты неправильно его держишь. Смотри, я покажу тебе, как надо держать.

И, оттолкнув растерявшегося приятеля, он бьет по чужому шару, загоняя его в лузу. Партнер хочет продолжить игру.

– Видишь? – чрезвычайно довольный собой, спрашивает Саша. – А теперь я опять бью, потому что я попал.

После 10 минут спора партнеру уже не хочется играть на бильярде и он уходит от стола. Саша подыскивает новую жертву. Новенький уверен, что изучил все хитрости Саши, и решительно настроен на выигрыш. Он бьет, забивает шар и слышит:

– Ты же забил мой шар! Молодец, ничего не скажешь.

– Это не твой шар. Я отлично помню, твои были полосатые.

– Ты думай, прежде чем говорить. Когда они были полосатые? Они в прошлой игре были полосатые.

Сашка выдал мне по полной программе. И вдобавок придумал кое-какие новшества, к которым я не была готова. Заметив, что я подкрадываюсь к своему шару, он ловко подставил мне подножку. Естественно, я не удержалась на ногах и врезалась в стол. Стол пошатнулся, шары поменялись местами, а Саша невинно заметил мне, что нельзя так по-свински напиваться с одного бокала. Я гордо заявила, что партия окончена.

– Пойду проветрюсь, – и ушла.

Жарко было в самом деле до одурения. Топили в этом шалмане на совесть. Я прошла к бару и взяла кружку пива. В уголке недалеко от входной двери стояли уютные парные диванчики. Я решила, что на них будет прохладнее, чем в любом другом месте зала. Я села на одну половину, готовясь получить максимум удовольствия от своего пива. Вокруг полумрак, спинки у диванов высокие, и о том, что я здесь не одна, я поняла только тогда, когда услышала два мужских голоса. Их обладатели устроились на другой половинке диванчика.

– Агент уже осмотрел квартиру?

– Нет. Он еще возится.

– Кто она такая? Откуда взялась там?

– Черт ее знает. Много раз все проходило прекрасно, а тут она свалилась как снег на голову. Ася говорит, она высо-

чила из-за поворота и первая проскочила. Аська ничего не могла поделывать в одиночку. Ведь девчонка, конечно, была с напарником. Слишком нагло держалась, чтобы быть одной. Она взяла их, а Аська только глазами хлопала. Хорошо хоть, что смогла ее выследить. Теперь надо прошмонать ее вещи. Здесь у нее ничего не нашел. Если Агент ничего не найдет у нее дома, значит, она носит с собой.

– Она не могла передать?

– Передать могла только в самом здании. Возле метро мы сели ей на хвост, Аська клянется, что на улице никто к ней не подходил.

– Если она кому-то передала, то ее ждали, а за нами следили. Мы слежку не заметили. Тогда мы все в полной жопе. Ему уже рассказали?

– Еще нет. Если ничего не найдем до завтра, придется рассказать.

– Как эта девчонка выглядит?

– Невысокая и стройная, волосы до плеч, кожа смуглая, сама симпатичная. Одета в голубые джинсы и коричневую кожаную куртку с капюшоном. Сейчас она с высоким светловолосым парнем. Я столкнулся с ними нос к носу в дверях.

«Ну мужик дает, – восхитилась я про себя, – да такие приметы подойдут к каждой третьей девице. Сейчас все в коже, а цвет волос вообще меняют каждую неделю».

Но следующая часть их разговора была уже значительно интереснее.

– Пойдем, покажу тебе ее. Только будь осторожнее, не пялься, а то может заметить и сбежит, – сказал первый мужик.

– Ты так говоришь, будто сам не знаю.

Я решила, что мне тоже не повредит поглазеть на ту, которая им так здорово насолила. Ведь получается, что они пасут ее вдвоем, третий обыскивает квартиру, а четвертый вырисовывается где-то на горизонте. И еще не забыть про таинственную Аську, которая тоже появлялась на сцене.

Я последовала за этой парочкой. Со спины они выглядели вполне безобидно. На бандитов похожи не были. Ни тебе стрижки под ноль, ни раздутых от анаболиков тел, ни мощных золотых цепей на шеях. Никаких внешних атрибутов бандитизма не наблюдалось. Все вместе мы обошли помещение по периметру, заглянули во все темные уголки, и было видно, что они начинают нервничать. Начали встревоженно переглядываться, вертеть головами во все стороны и недоуменно пожимать плечами. Было похоже, что они ее не находили. Наконец, один сбежал на улицу и вернулся оттуда окончательно расстроенным. Другой заглянул в гардероб и появился оттуда с еще более печальной миной. Они встретились, оделись, быстро поговорили, выбежали на улицу. Было похоже, что навсегда.

Я ужасно огорчилась. Мне очень хотелось поглядеть на их подругу. Должно быть, она была ловкой штучкой, если сумела заставить столько человек бегать за ней. Но как она суме-

ла удрать отсюда? Эти двое, следившие за ней, сидели лицом к выходу, и если они не слепые, то выйти незаметно ей не удалось бы. Вещи ее должны были быть в гардеробе, который тоже находился в поле зрения заинтересованной парочки. Если вещи за нее получил кто-то другой, то выйти она могла только через служебный ход.

Наверное, моей парочке пришла в голову такая же мысль, потому что они ворвались с улицы и пронеслись мимо меня с безумным видом прямо к бару, где принялись что-то настойчиво выпытывать у барменши и охранника. К ним присоединилась официантка и тоже начала отрицательно трясти головой. Но парочка была очень настырной и не покупалась на дружные отнекивания остальных. Они сунули охраннику в руку нечто, очень напоминавшее денежную купюру. После этого оба нырнули за стойку. Больше я не имела счастья их видеть этим вечером.

Зато я увидела одиноко блуждающего среди столиков и автоматов Сашку, который держал в каждой руке по кружке с пивом, а в зубах сжимал тлеющую сигарету. Он периодически ставил одну из кружек на ближайший столик, чтобы стряхнуть пепел на пол, а потом продолжал свои бесцельные блуждания. Я проделала в уме кое-какие нехитрые мыслительные операции и пришла к выводу, что он ищет меня. И не ошиблась.

– Как хорошо, что ты нашлась! – счастливым голосом воскликнул Сашка. Избавившись от одной из кружек, он сооб-

шил: – Я перевесил твою куртку на свой номер, и теперь у нас один номерок на двоих. Имей в виду, если задумаешь исчезнуть. Иначе рискуешь не найти свою одежду. Ну пойдем.

И, ласково обняв меня за плечи, повел наверх, вручил кий и даже разрешил мне самой разбить пирамиду. От такого неожиданно милого обращения я забыла даже спросить, зачем он перевесил мою куртку.

Когда я возвращалась домой, тело мое пребывало в каком-то счастливом оцепенении. Чего я не могла сказать про свои мысли. Некоторые из них метались в голове так, что временами вылетали прочь, и я тут же забывала про них. Другие подпрыгивали, как акробаты на батуте. Поэтому я ничего не могла сообразить.

А между прочим, тема для размышлений была. Странностей за сегодняшний день накопилось предостаточно. Но повторяю, что я была не в том состоянии, чтобы призвать свои мысли к порядку. Ехала домой и тихо надеялась, что родной кров поможет мне обрести четкость и стройность моим мыслям.

В мое отсутствие в моем доме побывали гости. Очень аккуратные гости. Они ничего не разбили, нигде не напачкали, мебель не двигали, посудой не пользовались, в ванне не мылись. Следов их визита я бы и не заметила, но полезла в кладовку за банкой клюквенного варенья и нашла там свои джинсы для работы в саду. Джинсы лежали возле стены. Они и с утра лежали возле стены, но в другом положении. Я ста-

ла искать другие новшества в обстановке. Они немедленно нашлись.

Я никогда не задвигаю ящик серванта до самого конца, а сегодня он оказался плотно задвинутым. На туалетном столике царил беспорядок, но это был чужой беспорядок. Не тот, который я оставила, уходя на свидание. Заглянув в шкафы, нашла там все тот же чужой беспорядок. Моя мама была единственным человеком, у кого есть ключи от моей квартиры. Но она не стала бы рыться в моих вещах или хотя бы оставила записку. Дескать, порылась. Ничего особенного, как и предполагала, не нашла. Целую.

Но на всякий случай я позвонила ей. Мама долго не подходила к телефону, я даже стала тревожиться. Потом я подумала, что она могла отключить телефон. Она часто так поступает, когда не желает общаться с внешним миром. Это проще, чем объяснять всем и каждому, почему она не хочет с ними разговаривать. Я уже приготовилась повесить трубку, когда мама подошла наконец к телефону. Мама, услышав мой голос, тут же сказала:

– Хорошо, что позвонила. Я как раз вспоминала о тебе.

– Я про тебя тоже вспоминала, – правдиво ответила я, – ты так давно не заходила ко мне в гости.

В ответ ожидала услышать что-нибудь вроде: «Как же. Я была у тебя сегодня в гостях и искала...» Но вместо этого услышала:

– Планировала зайти к тебе сегодня, но не получится. За-

ходи лучше ты ко мне. Завтра я дома. Мне должны звонить из Владикавказа по работе, поэтому сижу у телефона, как приклеенная.

Вот и все. Очень легко и просто. У меня в квартире был грабитель. Надо скорее проверить свои материальные ценности. Хотя чего проверять. Телевизор и музыкальный центр стоят в комнате на почетном месте, чтобы их не увидеть, нужно быть совсем слепым. Холодильник бурчит на кухне, как обычно. Деньги лежат в шкатулке возле зеркала вместе с документами, все в целости и сохранности. Хотя постойте, ведь тут же был мой студенческий билет, а теперь он пропал. Кому мог потребоваться старый студенческий билет?

Дело принимало совсем загадочный оттенок. В билете только и было ценного, что моя фотография. Стоп! Моя фотография. Это уже кое-какой след. Фотографии обычно берут, чтобы посмотреть на них или показывать своим знакомым. Значит, кому-то хочется постоянно смотреть на меня и, может быть, даже радоваться при этом. Как же я умудрилась внушить похитителям фотографии такие сильные чувства и даже не заметила этого? А с другой стороны, почему им? Может, это только один человек. Мой тайный воздыхатель, который втюрился в меня настолько, что пошел на преступление, чтоб только раздобыть мою фотографию. В таком случае, он должен быть феноменально застенчивым человеком.

Но хорош поклонничек, если ходит в гости к любимой девушке с набором отмычек. Отмычками он явно воспользо-

вался, потому что замок не был сломан и находился в полной исправности. А может быть, мой тайный поклонник нанял постороннего человека, чтобы тот взломал мой замок и выкрал фотографию. В этом случае дело принимает еще более уголовный характер. Здесь налицо сговор. А зачем тогда взломщик обыскивал всю квартиру? Шкатулка с документами стояла на самом виду. Может, у вора случился острый приступ любопытства, но это маловероятно.

Это какие же надо иметь железные нервы, чтобы, находясь в чужом жилье, тешить свое любопытство. Я ведь могла вернуться в любой момент, а он или она тут развлекается. Или взломщик искал какую-то вещь, которая случайно оказалась у меня. Я про эту вещь забыла, а ее хозяин, напротив, отлично помнит и жаждет вернуть ее, но попросить не решается. Хочу верить, что уголовник с отмычками нашел то, что ему было нужно, и больше не вернется и не потревожит меня.

Немного утешив себя мыслью, что ничего ценного при взломе не пропало – а много ли людей могут похвастаться тем же? – я легла спать. Но заснуть мне не удавалось. Что-то в сегодняшнем вечере меня настораживало. Человек, на которого я дважды натыкалась, когда возвращалась по забывчивости домой, явно не хотел, чтобы я видела его лицо. Я его и не видела. Он отворачивался от меня, и я даже его возраста определить не смогу, если потребуется. И еще эти двое в кафе. Они искали девушку, чьи приметы подходили ко мне. Все до одной подходили. И замечались они только

после того, как увидели, что меня нет на месте. Единственная девушка в баре, которую они не могли видеть, была я, потому что все время сидела у них за спиной. Сашка перевернул мою куртку, и они не заметили ее и поэтому заволновались. Когда они спрашивали барменшу о том, не видела ли она девушки, уходящей через служебный ход, то барменша все отрицала. А зачем бы ей было обманывать тех двоих? Стало быть, никто из бара через стойку не уходил. И значит, эти двое могли искать меня. И они знали, где я живу, как выгляжу, могли в любой момент взломать дверь и войти сюда!

Я не могла больше оставаться в постели. Я подскочила так резко, словно мне в спину уже упиралась заточка, и бросилась запирает дверь на все замки и цепочки. К моему величайшему огорчению, запоров явно не хватило бы на то, чтобы сдержать даже одного крепкого молодого человека, а про троих и говорить не приходилось. Тогда я пошла на крайние меры и притащила всю мебель, которую могла сдвинуть, к дверям. У меня получилась неплохая баррикада. Только после этого я немного пришла в себя и смогла здраво рассуждать о положении, в котором, возможно, очутилась.

Господствующее положение в голове занял один вопрос. Что теперь делать? Таинственный Ромео, которого я уже успела вообразить, развеялся аки дым, а вместо него материализовались трое здоровенных мужиков, которые не испытывали ко мне никаких нежных чувств. Это уж точно. Вместо этого они хотели получить от меня какую-то вещь, о ко-

торой я не догадывалась, но тем не менее украла у них. Больше всего меня смущал тот факт, что я не представляла, что это могло быть. Я с удовольствием и даже с радостью вернула бы их собственность, чтобы отвязаться от них. Ценности этой вещи я не представляю, так что легко вернула бы им все, но не могу это сделать, потому что не знаю, что должна вернуть. Скоро они сообщат о неудачах своему боссу, и он предпримет ответный удар. В чем будет заключаться этот удар, мне даже и думать не хотелось. Не пойти ли мне ночевать к Светке? Правда, уже поздновато для визита, но и обстоятельства, вынудившие меня прибегнуть к ее гостеприимству, тоже отличаются от обычных.

Что еще можно сделать, чтобы обезопасить свою жизнь? Да, конечно, звать на помощь милицию. Нашу родную славную милицию, которую мы все любим покритиковать, но к которой прибегаем в трудную минуту и просим о защите. Но что я им скажу? Что украли старый студенческий билет? На этом месте мои мучительные раздумья были прерваны, потому что раздался звонок в дверь. Мои мысли опять поменяли направление. Надо звонить в милицию и надеяться, что она приедет раньше, чем бандиты справятся с замками и разметают баррикаду. Я подошла к двери и самым твердым голосом, на какой была способна, сказала:

– Немедленно убирайтесь! Я знаю, кто вы такие, и уже звала милицию.

За дверью царило молчание. Там переваривали услышан-

ное. Потом тонкий женский голос произнес:

– Дашка, ты что, шутишь?

Голос был Наташкин.

– Даша, – продолжал голос, – я забыла ключи, а Руслана еще нету дома. Можно я подожду его у тебя?

Новый сюрприз вечера меня порадовал. Наташа была моей соседкой снизу. Она очень любила рассказывать каждому, кто соглашался слушать, о своей личной жизни и делах, так как на собрание сплетен у нее не хватало времени. Поэтому я могла впустить ее без опаски, что завтра весь дом узнает, что я баррикадируюсь на ночь. Я была совсем не против ее компании. Особенно сейчас, когда мне рядом необходим был живой человек для моральной поддержки. Но одна ли она? Вот в чем вопрос. Я не смогла придумать ничего более умного, чем спросить:

– Ты там одна?

– Конечно.

– Точно?

– Выгляни в «глазок», если сомневаешься.

Я так и поступила, но на площадке было темно. Я ничего не увидела.

– Света нет, и я ничего не вижу, – сообщила я Наташе.

– Ты что, издеваешься?

Ее дрожащий голос убедил меня рискнуть.

– Подожди, – сказала я, – сейчас открою.

Быстренько раскидав часть баррикады, я смогла при-

открыть дверь настолько, чтобы худенькая Наташа смогла влезть. При этом я сама поражалась собственному безрассудству.

– Ой, что это у тебя? – удивилась Наташа, заходя и спотыкаясь о торчащую ножку стола.

– Просто небольшая перестановка.

– Это больше похоже на те сооружения, которые строили в Париже во времена их революций, – неожиданно пронизательно заметила Наташа.

– Не обращай внимания, – дружески посоветовала я ей, думая при этом, чем бы мне отвлечь ее мысли от свалки в прихожей.

Наташа сверлила меня пронизательным взглядом, но тут я вспомнила, что упоминание о ее муже всегда действует безотказно.

– Как поживает Руслан? Где он пропадает?

Эти вопросы, отдающие всего лишь дань вежливости, всегда воспринимались Наташей за чистую монету. Она с жаром принялась рассказывать мне про невозможное поведение своего дражайшего супруга.

– Не знаю, что мне с ним и делать. Он совсем помешался на почве....

С этого момента от меня требовалось только временами сочувственно покачивать головой и стараться попадать со своими кивками в тон ее рассказа. То есть когда она говорила о чем-то печальном, я тоже грустила. Услышав мельком

нотки негодования в ее голосе, изображала легкое возмущение, но, впрочем, я не всегда впопад сменяла свои настроения. Время от времени Наташа подозрительно осведомлялась:

– Ты меня слушаешь?

– Конечно! – отвечала я с безмерной обидой в голосе, и Наташа успокаивалась.

Еще очень полезно было в таких случаях в целях маскировки попросить у нее продолжения рассказа, тогда она расцветала и лучилась счастьем. Мы приятно провели четверть часа, а потом за Наташей пришел ее Руслан. Я была очень благодарна ей за общество, и она мне тоже. Мы расстались, довольные друг дружкой. Расставшись с Наташей и Русланом, я снова загромодила дверь. При этом горько жалела, что раньше не уделяла должного внимания изучению электричества. Теперь бы мне очень пригодилось знание этого предмета. Можно было бы подвести ток к дверной ручке, чтобы он бил каждого незваного гостя, или воспользоваться электромагнитом. Но этим чудесным идеям суждено было остаться в теории. Потому что моих знаний хватало лишь на то, чтобы правильно вкрутить лампочку или воткнуть вилку утюга в розетку.

Не стоит заниматься тем, в чем ничего не смыслишь. Это ничего, кроме вреда, не принесет. Нужно пользоваться теми умениями и навыками, которыми владеешь в полном объеме. Итак, что я умею? Как всякая женщина, я умею наводить

на себя красоту, марафет. О, прекрасная мысль. Если мне суждено пережить эту ночь, то с утра я обязательно займусь изменением своей внешности. И тогда ни одна живая душа меня не узнает. И, значит, бандиты останутся с носом, а я смогу спокойно передвигаться по улицам родного города.

Решено. Завтра первым делом – камуфляж.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

По улице шла брюнетка, одетая в пальто красно-коричневого цвета и широкие брюки клеш. Маленькая шапочка была кокетливо надвинута на одну бровь. Роскошные густые волосы ниспадали из-под шапочки на пальто. Немного удивлял цвет ее лица. Он мог поспорить яркостью с цветом пальто.

Этой цветастой девушкой была я. От очков пришлось отказаться. Очков с простыми стеклами у меня не нашлось, а в бабушкиных очках в роговой оправе я натыкалась абсолютно на все предметы, окружавшие меня.

Целое утро я колдовала над собой, пытаюсь придать себе неузнаваемый вид. В целом меня порадовали достигнутые результаты. Кажется, что мне удался мой маскарад. По крайней мере, сама себя я не узнавала. Парик остался у меня от школьных спектаклей. Грим когда-то притащил в дом мой первый муж, и он остался мне в качестве возмещения морального ущерба (грим, разумеется, а не муж). Сейчас он мне здорово пригодился.

Я прибавила себе несколько сантиметров за счет огромных каблуков. Выглядела я теперь живописно и считала, что достойна всяческого восхищения со стороны окружающих. У окружающих на этот счет были свои взгляды. Они, конечно, оглядывались на меня, но вместо восхищения на их лицах мелькало нечто похожее на сочувствие. И еще они охот-

но уступали мне дорогу, а в транспорте и место.

Их реакция меня несколько не расстроила. На всех уго- дить невозможно, знаете ли. Под этим маскарадом моим преследователям вовек не узнать меня. Это было главное, а все остальное пустяки. Когда речь идет о сохранении соб- ственной жизни, думать о внешних приличиях не приходит- ся. В том, что преследователи у меня имеются, сомневаться не приходилось. Возле подъезда, не так чтобы очень близ- ко, но для наблюдения достаточно, припаркована «семерка». Цвет машины был сродни цвету городского асфальта. При- родный цвет машины и ее номера различить под толстым слоем грязи не представлялось возможным, но вот двоих больших дядек внутри я разглядела хорошо.

Кто-то может подумать, что стоящая возле дома машина, даже с двумя мужчинами в ней, не дает повод подозревать людей, сидящих в ней, в гнусных намерениях. Постоит и отъ- едет, но любой согласится, что машина, которая стоит с 9 утра до 12 часов дня и ни разу никуда не отъехала, – это очень-очень-очень подозрительно. Может быть, машина по- явилась и раньше, но я проснулась только в 9 утра и за более раннее время не могла ручаться.

Рисковать я не собиралась и предприняла все меры лич- ной безопасности. Первой была маскировка, а второй – по- ход в милицию. После беспокойной ночи я все-таки реши- лась туда пойти. Первая мера моей предосторожности уда- лась как нельзя лучше. Я обогнула машину, мельком загля-

нула внутрь. Стекла не тонированы. В одном мужчине я без труда признала того симпатягу, с которым мы столкнулись вчера в дверях ресторана. Долго кружить возле машины я не стала и быстренько удалилась. Мужчины в машине на меня внимания не обратили и даже не посмотрели.

А вот в милиции на меня посмотрели очень внимательно. Молодой лейтенант выслушал мою историю, как мне сначала показалось, вполне благосклонно и подытожил:

– Судя по вашим словам, вашу квартиру вчера между 8 и 11 вечера, когда вас не было дома, обыскали и похитили просроченный студенческий билет. Больше ничего не взяли. Сегодня с утра вас пасут двое типов, которые ездят за вами на серой машине «Жигули-семерка». Вчера вечером, когда вы были с друзьями в кафе, вас искали еще двое мужчин, которых вы не знаете, никогда не видели, но тем не менее они были вами настолько заинтересованы, что расспрашивали о вас всех в кафе. Так?

– Да, примерно так. Только сегодняшние и вчерашние типы – это одни и те же типы. Мне так показалось.

– Ага, – протянул лейтенант, – показалось.

– Одного я точно узнала.

– Но ведь никаких особенных неудобств они вам не доставили? Угроз, побоев не было?

Почуяв, к чему он клонит, я неуверенно протянула:

– Н-е-ет, но ведь...

Договорить мне не удалось. В дверь вбежали трое моло-

дых и здоровых ребят в форме. Одновременно с этим заговорили дырочки на столе. Из дырочек донесся женский голос:

– Попытка ограбления на пятом объекте.

Мой лейтенант быстро засобирался. На мои попытки обратиться на себя его внимание он ответил:

– Изложите все свои жалобы в письменном виде в двух экземплярах. Я разберусь. Читайте поменьше детективов на ночь и найдите себе какое-нибудь увлечение. А сейчас, извините, тороплюсь.

С этими словами он выпроводил меня из комнаты. Я толком не успела опомниться и объяснить ему, что детективы здесь ни при чем, что я их не люблю и не читаю, как уже стояла на улице и могла изложить свои соображения только самой себе. И что мне теперь делать? Положение аховое. Возле дома, а может быть, уже и в доме меня поджидала парочка, с которой я еще не готова была встретиться. Милиция плохо разобралась в моей проблеме, и помощи от нее мне сейчас ждать не приходилось. Они меня просто отфутболили.

«Вот так и становятся бомжами, – грустно подумала я, – и это еще если мне повезет и я останусь в живых».

Могу сказать без прикрас, что мне стало очень жалко своей молодой жизни, и поэтому я немного ударилась в панику. Мне уже виделись застенки, в который четверо бандюг пытаются добиться от девушки того, чего она дать им не может. Хрупкая девушка закована с ног до головы в тяже-

лые цепи, чьи концы припаяны к каменным стенам. Остатки одежды находятся в страшном беспорядке. Волосы спутаны. Она страшно истощена, так что кости просвечивают сквозь лохмотья. По стенам подвала сочатся капли воды, сливаются друг с другом и превращаются в ручейки, которые впитываются в земляной пол, превратившийся в хлюпающее болото.

Я так живо представила все это себе, что ужаснулась по-настоящему. Плохо соображая, что делаю, я кинулась к телефонной будке, стоящей поблизости, и начала набирать номер. На четвертой цифре я поняла, что набираю номер Саши. Я сразу повесила трубку. С Сашей разговаривать мне не хотелось. И не потому, что испытывала конкретно к нему неприязнь, но как-то не хотела доверяться еще одному мужчине. К тому же автомат не работал. Мои простые действия, связанные с переходом к другому автомату и набором номера, смогли отрезвить меня настолько, что следующий номер я набирала уже вполне осмысленно. Я позвонила Юльке.

– Привет! – сонным голосом сказала моя подруга. – Хочешь зайти ко мне? Буду очень рада тебя видеть. Только приходи скорее, а не через несколько часов, как ты обычно делаешь.

Юлька была моей ближайшей подругой в прямом и переносном смысле. Кроме душевной близости нас связывало и близкое расположение наших домов. По меркам мегаполиса расстояние между ними было просто смешное. Оно преодолевалось максимум за 40 минут. Простота в общении, мяг-

кий и незлобивый характер, а также счастливая способность смеяться по всякому поводу, а порой и без повода делали Юльку незаменимой в моих глазах. Сегодня меня интересовало еще одно ее достоинство. Данное достоинство заключалось скорее в Антоне, но ведь Антон ее мальчик, а поэтому это достоинство может считаться и ее тоже.

Антон имел некоторое отношение к правоохранительным органам. Попросту говоря, он работал охранником в различных частных фирмах. Понятно, что не в одно и то же время. Работал он в больших организациях и в маленьких, но результат неизменно поражал своей предсказуемостью. Все эти фирмы обанкротились и закрылись. Налицо была связь банкротств, подстерегших эти фирмы, с самим Антоном. По моим наблюдениям, которые я производила над Антоном уже не первый год и втайне от него, крах фирмы наступал не позднее чем на третий месяц работы Антона в ней. С того момента, когда Антон официально зачислялся в штат, ничто не могло спасти бедную фирму от банкротства. Судьба была неумолима. Займы, залоги, взятки, уклонение от налогов, двойная бухгалтерия, сокращения штатов – все эти меры были использованы работодателями Антона, но ни одно из них не принесло желаемого эффекта. Я, конечно, знала, в чем дело, и от всей души сочувствовала несчастным, которые тщетно боролись против рокового влияния Антона на их судьбы.

Единственная возможность спасти фирму от бесславно-

го конца заключалась в том, чтобы изгнать зловредного бе-са, сидящего в Антоне. Вместе с самим Антоном, разуме-ется. Такая мера могла помочь персоналу фирмы хоть как-то продержаться на плаву. Потому что выплыть из той без-дны, в которую они погружались по милости Антона, они не смогли бы даже на атомной торпеде. На моей памяти только один банк продержался больше трех месяцев. Он считался одним из самых надежных банков страны. Я с трудом упро-сила свою маму закрыть свой счет в этом банке, чем спасла нашу семью от разорения, но никто этого так и не оценил. Моя заслуга осталась без вознаграждения и признания. Я до сих пор считаю себя незаслуженно обиженной моими род-ственниками.

Сам Антон работает сейчас на мясокомбинате. Узнав, на каком именно, я отказалась от их продукции. Я убедила род-ных и близких поступить так же. Скольких трудов мне это стоило! Но теперь, когда я обезопасила самых дорогих мне людей, я могу относительно спокойно следить за развитием событий и ждать развязки. Когда дело касается Антона, на-до быть предельно осторожной. Со дня на день я жду тра-гических известий из его сосисочного цеха. Помните массо-вые отравления кисломолочными продуктами? Я не сомне-ваюсь, что это дело рук Антона. Я знаю, что подло знать об опасности и ничего не предпринять, но что я могу сделать? У меня нет доказательств. Сам Антон не задумывается о та-ком странном стечении обстоятельств. Он всячески клеймит

бездарных руководителей. По их вине, как он считает, ему приходится каждый квартал менять работу.

В моем положении его разрушающая особенность не могла мне повредить. Во-первых, я не собиралась нанимать его на работу, достаточно было просто пообщаться с ним часик, чтобы планы моих преследователей были нарушены. Таков был железный закон ауры Антона. Во-вторых, до появления первых трагических признаков должно было пройти не меньше двух месяцев. Я же хотела только слегка нарушить планы преследователей, а не вступать с ними в длительные отношения. А еще я просто хотела поплакаться своим друзьям на то, что со мной случилось, и посмотреть, что скажут они в ответ.

Когда ты обнаруживаешь за собой слезку, когда твою квартиру обыскивают на предмет неизвестно чего, когда приходится облачаться в безумный прикид и ходить, оглядываясь и подозревая в каждом человеке бандита, все это никак не способствует укреплению нервной системы, ясное дело. И очень хочется найти теплое пристанище, где тебя поймут, обогреют и накормят. Поэтому я с удовольствием предвкушала радостный прием, который ожидал меня в доме у Юльки.

Я позволила себе немного помечтать о жареной курочке, которая, возможно, хранится у Юли в плите. Курочка обычно украшала Юлины воскресные обеды, а сегодня было воскресенье. Курочка подавалась с домашними маринадами и

соленьями. В приготовлении их Юльке не было равных среди всех моих подруг. Ее огурчики, замаринованные с красной смородиной и перчиком, были настоящим шедевром кулинарного искусства. Даже супы, которые готовила Юля, неизменно были вкусны и проходили на ура.

Но коронным блюдом, так сказать, венцом ее мастерства был «Наполеон». Торт готовился раз в году. Всегда на день рождения. Люди, которые попробовали этот торт хоть раз в жизни, проводили остаток ее в воспоминаниях о его вкусе и попытках попробовать его снова. Я тоже не избежала всеобщей участи и мечтала о новом дне рождения и новом сладком чуде, которым будет потчевать нас Юля. Но сейчас была зима и до знаменательного дня оставалось еще целых пять месяцев.

Иногда я встречала бывших Юлиных мальчиков, с которыми она почему-либо больше не поддерживала отношения, и голодный блеск их глаз навел меня на некоторые размышления. Наконец один из них проговорился, что его преследуют соблазнительные видения Юлькиной шарлотки, а ночами во сне он видит салат с горошком.

Несчастный попытался спать днем, и ему стали сниться запеченная рыба и рулеты с маком. Вот и все, чего он добился, перейдя на ночной образ жизни. Еда, подаваемая в ресторанах, казалась ему пресной. А пирожки его мамы, которые прежде он безумно любил, утратили теперь всю свою былую прелесть. Они казались ему едва ли привлекательнее

резиновых набоек на ботинках.

Я погрузилась в размышления о сильных чувствах, пробуждаемых в людях Юлиной кулинарией. Я перебирала в памяти различные блюда, когда-либо приготовленные ею, и не обратила внимания на двух цыганок, которые были живописно одеты, как это и свойственно их народу. Цыганки на всех парах направлялись в мою сторону. Заметила я их лишь тогда, когда столкновения уже было не избежать. Одна из них схватила меня за рукав и громко прошептала мне в ухо:

– Большая перемена тебе будет.

Они, не задержавшись ни на минутку, пошли дальше, а я опомнилась и закричала им вслед:

– Спасибо вам!

Меня с детства приучали, что нужно быть вежливой, и с годами я стала замечать, что, приказывая своей собаке убраться на место, я добавляю «пожалуйста». Моя вежливость не производит того впечатления, на которое рассчитывали мои воспитатели. Очень часто я слышу вместо «Какая вежливая девочка» что-нибудь вроде: «Перестань без конца извиняться».

Я вышла из автобуса и, все еще размышляя о странностях отдельных людей, гордо прошествовала к Юлькиному дому. Вся дорога заняла три четверти часа.

Я трезвонила в Юлькину дверь уже две минуты, но никто не открывал. Сегодня я решительно не обращала внимания на кошек. Все, что могли, они для меня уже сделали. Дверь

открыл Антон и выжидательно уставился на меня. Я совсем забыла о своем новом облике. Не будучи расположена прикалываться, я сердито буркнула:

– Может быть, ты меня все-такипустишь? Я, между прочим, в гости пришла и шутить не расположена.

– Ты это к кому в гости?

Услышав такое явное издевательство, я вконец рассвирепела и попыталась отпихнуть его с дороги, но он стоял намертво, так что отступить пришлось мне.

– Кто тебе нужен? – очень строго спросил меня Антон.

– Хватит издеваться. Если не перестанешь, то, когда придете ко мне в гости, я вас вообще не пущу.

– Да я тебя первый раз в жизни вижу, а к незнакомым людям, тем более девушкам, я в гости не хожу.

Услышав такую откровенную ложь, я рассмеялась. Я наконец-то вспомнила про свой маскарад и мысленно поздравила себя. Антон знает меня не первый год и видел в разных состояниях, а не узнал. Молодец я! Я облегченно вздохнула и воскликнула вслух:

– Это же я, Даша! Я, так скажем, изменила имидж. Теперь тыпустишь меня?

– Даша? – ошеломленно бормотал Антон. – Прости, не узнал. Богатой будешь.

– С кем ты разговариваешь? – спросила Юлька, вылезая из душа. Она настороженно оглядела меня и удивленно сказала, протягивая руку к пальто:

– Откуда?..

– Ага, стало быть, пальто ты узнала, а меня нет?

– Даша? – тоже, как и Антон, удивилась Юля. – Зачем ты напялила этот прикид с париком? И цвет лица у тебя необычный. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Если б ты знала, что со мной приключилось, то так бы не веселилась, – сказала я ей. – Все началось вчера. То есть вчера я заметила первые признаки. Может быть, все началось еще раньше, но про это я ничего не знаю. Подождите, пожалуйста, секундочку. Мне надо разобраться с одеждой.

Не дождавшись от потрясенных хозяев приглашения, я сама вошла в дом. Избавившись от своего наряда, вздохнула с облегчением:

– За мной следят трое типов. С пяти часов вчерашнего вечера. Они были вместе со мной в кафе, обыскали мою квартиру и сейчас ждут меня возле дома. Можете пойти и посмотреть, если не верите.

Юля и я знакомы уже восемь лет. Мы вместе поступали в институт и вместе потом ушли оттуда. После этого наши пути немного разошлись, потому что ушли мы в разные институты, но дружим по-прежнему. Исправно ходим друг к другу в гости, пересказываем свои приключения, делимся мальчишками и ценными сведениями. Юля знала о том, что происходит в моей жизни, лишь немногим хуже меня. И сейчас, когда от меня отвернулась организация, которая призвана защищать меня по долгу службы, Юля тут же кинулась мне на

выручку. Она ни на йоту не усомнилась в правдивости моего фантастического рассказа и сразу перешла к делу, не тратя времени на ахи и охи.

– Нельзя ли узнать поподробнее и уточнить детали?

Я послушно и детально изложила события вчерашних дня, ночи, сегодняшнего утра и дня. Лица у них по мере рассказа вытягивались.

– Вы мне тоже не верите? – взвилась я.

– Верим, верим, – заверили они хором.

Но было видно: они считают, что я все придумала для того, чтобы развлечь их в воскресный день. Я была тронута тем, что они считают меня способной на это, что они такого хорошего мнения обо мне, что они думают, будто бы я могу наворотить такого лишь для того, чтоб немного развлечь их. Сначала я обиделась, а потом подумала, что, возможно, они правы и ничего не случилось. Все плод моей нездоровой фантазии. Глядя на них, я и сама постепенно склонялась к мысли, что мне все почудилось. Думать о прошлом дне, как о галлюцинации, которая тебе не может повредить, было очень приятно. Я позволила себе успокоиться, расслабиться, выпила кофе и съела что-то необычайно вкусное. Мило поболтала с ними о разных пустяках и, уходя, не особенно старалась с маскировкой. На улице был дивный вечер, я наконец-то успокоилась. Все случившееся со мной – просто недоразумение. Все образуется.

Тремя часами раньше Наташа сидела пригорюнившись в своей кухне и мечтала о захватывающих душу приключениях, кровавых перестрелках, в которых участвовала бы и ее персона. С 12 лет, когда она прочла первый свой детектив, ее душа была сразу и навечно покорена этим чудесным жанром литературы. Она проглатывала книжки в буквальном смысле этого выражения: за обедом, завтраком, ужином. Она погружалась в мрачный мир преступного Лондона, где вместе с великим Шерлоком и его верным другом Ватсоном преследовала в густом тумане банду мистера Мориарти. С Эркюлем Пуаро она дружила меньше, но не обошла своим вниманием и его. Выслеживая воображаемых преступников, она постоянно попадала в реальные и неприятные истории. Последствия у этих историй бывали самые печальные.

Для задержания одного очень мрачного типа в кондитерском магазине ею был использован огнетушитель. Когда мрачного типа немного отскребли от пышной пены, покрывавшей его от носа и до шнурков на кроссовках, оказалось, что в тот день его оставила горячо любимая жена, вместе с их двухлетней дочуркой переехавшая к общему, но теперь бывшему их другу. А в оттопыривавшемся кармане куртки предполагаемого преступника находилось, вопреки заверениям Наташи, не огнестрельное оружие типа «наган», а пухлое портмоне, набитое многочисленными фотографиями утерянной семьи. Мужчина был так подавлен свалившимся на него несчастьем, что жалкая выходка судьбы, которая в

лице юной девушки облила его пеной, не могла расстроить его еще больше. Поэтому он не стал предъявлять претензий к этой девушке, заведующий отделом магазина не был столь любезным, и Наташе пришлось уплатить штраф и выслушать несколько суровых сентенций относительно своего умственного развития. И даже ее объяснения, что содеянное было вызвано исключительно заботой об этой кондитерской вообще и самом заведующем в частности, не смогли смягчить кару. Заведующий наотрез отказывался верить, что Наташей двигало только благородное побуждение спасти его магазин от налета.

Случившееся не отучило Наташу видеть в любом незнакомом человеке потенциального преступника. Она стала осторожнее и научилась после очередного благородного поступка быстро уносить ноги, тем самым избегая мести спасаемого. Сам инспектор Аллен был бы удивлен, увидев, с какой страстью его почитательница впутывается в дела, не касающиеся ее, и портит жизнь безобидным людям, которых она заподозрила в свершении противозаконных дел.

Собственное сыскное агентство. Вот мечта, которая неотступно преследовала Наташу. Увы. Ее мечта оставалась мечтой. Вокруг не случалось убийств, ограблений, загадочных пропаж, при раскрытии которых Наташа могла бы продемонстрировать всему миру свои незаурядные способности криминалиста. А если и случалось нечто, на место разыгравшейся драмы Наташа успевала уже после милиции. И в лучшем

случае на ее долю оставались пересказы случившегося соседями. Милиция почему-то упорно отказывалась от помощи юной любительницы. И получить от органов какие-либо сведения не представлялось никакой возможности.

Наташа даже пыталась использовать свою женскую привлекательность, когда эта привлекательность проявилась у нее, и ей удалось пару раз назначить свидания наименее стойким работникам уголовного розыска. Но результаты свиданий были неудовлетворительными. Милиционеры в свободное время были готовы говорить с обольстительницей о чем угодно, но только не о своей работе. Или говорили о делах настолько старых, что это не представляло никакой практической ценности. Вытрясти из них подробности свежих дел не получалось.

Потом появился муж, и общение с милицией пришлось окончательно прекратить, но Наташка была человеком оптимистичным и надежды распутать преступление не теряла.

Итак, Наташа – оптимист в квадрате – сидела дома. И именно сегодня ей было особенно грустно, так как давно уже ничего не случалось. Был только страшный грохот у нее над головой. А прямо над ее квартирой располагалась моя квартира.

– Интересно, какую перестановку она затеяла, – размышляла вслух Наташа, – вчера вся мебель у нее была сдвинута в прихожую. Может, ремонт?

В этот момент течение ее мысли было прервано жутким

скрежетом, донесшимся сверху.

– Она так надорваться может, – решила Наташа. – Не пойдут ли помочь?

Это Наташа советовалась с мужем, имея в виду, что помогать пойдет именно он, а она будет осуществлять общее руководство. Муж проигнорировал ее намек и продолжал слушать президента, который вещал что-то с голубого экрана. Раздосадованная таким наплевательским отношением супруга к ее словам, Наташа толкнула Руслана в бок и сказала уже погромче:

– Слышишь, Дашка мебель двигает. Она так до вечера грохотать будет. Давай сходим к ней и поможем. Сил нет терпеть, как этот скрип по нервам бьет.

– Я сейчас занят, а ты иди. Я дослушаю и тоже поднимусь, – ответил муж.

Наташа промучилась минут 15 и предприняла еще одну попытку поднять мужа с дивана. Попытка закончилась полным фиаско. Наташа приняла решение идти одной. Она поднялась на один этаж вверх и изобразила на лице горячую готовность помочь соседке. Потом она позвонила в мою дверь и стала ждать. Никто ей не отворил и не ответил. Она позвонила второй раз, и с тем же успехом. Донельзя удивленная и раздосадованная странным поведением соседки, она спустилась к себе и занялась хлопотами по хозяйству. Следующие 20 минут были относительно тихими. Только наверху раздавались тяжелые шаги, от которых дрожали тонкие стеклян-

ные подвески на люстре и вздрагивала сама Наташа.

– Она там у себя явно не одна. Потому что так грохотать Дашка не сможет при всем желании. Если она поправится килограммов на 50, то и тогда так тяжело шагать не будет. Странно они там развлекаются, двигать мебель – удовольствие небольшое. Но кому что нравится.

Наверху с полок посыпались на пол кастрюли. Шум, который они производили при этом, болезненно задел любопытство Наташи и подстегнул ее к новой вылазке. Внимательно осмотрев дверь, она не заметила ничего нового или необычного. Звонить в дверь она не стала. Оказавшись дома, Наташа кинулась к телефону и позвонила мне. К телефону никто не подошел. Было слышно, как он надрывался в промежутках между гроыханием кастрюль и звуком бьющейся посуды. Наташа окончательно перестала понимать, в чем дело.

– Она либо сдурела окончательно и не подходит к телефону, либо не подходит просто потому, что ее нет в квартире. Если ее нет в квартире, то шумит кто-то другой, и этот другой не церемонится и его не волнует сохранность чашек и прочего стекла. Я же отчетливо слышу, как он ходит по черепкам. Скрип разбитого стекла невозможно спутать с чем-то другим. Там **ВОРЫ!!!**

Внезапность и точность, с какими Наташу осенила эта мысль, поразили ее саму. Дыхание замедлилось, а сердце, наоборот, застучало быстрее, стремясь совсем выскочить из груди. И самое главное – Наташа ни на долю секунды не

усомнилась в правильности своей догадки о причинах загадочного шума наверху. О, великий момент! Единственный в жизни, незабываемый и неповторимый. Возьмите «Полароиды» и увековечьте его для потомков.

– Как поступить? – лихорадочно соображала Наташа, меря шагами кухню. – Милиция? Ни в коем случае!

Делиться с милицией приключением, так неожиданно свалившимся ей на голову, Наташа не собиралась. Это был ее шанс добыть для себя славу проницательного детектива, утвердиться в самомнении, выяснив все самолично. Такой шанс выпадает раз в жизни, и упускать его Наташа не собиралась ни за что. Она не должна была посрамить своих любимых книжных героев. Они бы не простили ей трусости и слабости. Позвони она сейчас в милицию, и уже никогда не сможет взять в руки рассказы про Шерлока Холмса, опасаясь горького раскаяния.

Пока никакой милиции. Вдвоем с Русланом они отлично справятся. Кинувшись в комнату, она с удивлением увидела пустой диван. Муж исчез. Испарился в самый ответственный момент. Выбрал время пойти прогуляться. Почему мужчин никогда нет рядом, когда они нужны больше всего? Но отвечать на риторические вопросы не было времени. Надо было приступить к осуществлению своей добровольной миссии, не перекладывая ее на других.

Решительно направившись к входной двери, Наташа машинально надела на себя свою шубу. Шуба была роскошная

и почти до пят. Она была сшита из какого-то на редкость лохматого зверя, чью породу затруднялся определить и сам продавец. Под зеркалом висела маска, купленная Наташей для любимого племянника к Новому году. Маска была из легкого материала, поражавшего своей удивительной пластичностью, изображала обезьяну и была розовато-кирпичного цвета. Из рта чудовищного зверя вылезали огромные окровавленные клыки. По всей поверхности змеились уродливые морщины и складки. Жуткое впечатление смягчал кокетливый синий бант, приделанный сбоку на лбу маски.

«Неплохо было бы вооружиться чем-нибудь», – такой была первая здравая мысль, пришедшая в Наташину голову. Но чем? Нож отпадал сразу же. Рукопашная схватка с кровавым исходом не входила в планы Наташи. Дубина была значительно лучше. Подкараулить и оглушить из-за угла. Это было бы здорово.

К огромному разочарованию Наташи, в доме не нашлось ни одной дубины. Единственным, что хоть как-то могло заменить ее, был чугунный бабушкин утюг. Утюг был невелик собой, но увесист. Сохранился он еще с поры, когда электрический утюг был предметом газетных сенсаций.

Вооружившись таким образом, Наташа отважилась выйти на лестницу. На улице к тому времени еще не смеркалось, но так как в стенах, которые выходили на улицу, архитектором окна не были предусмотрены, а электрическая лампочка выкручивалась после двух часов своей работы пред-

приимчивыми жильцами, то на лестничной клетке был полумрак. Светлей на площадке уже не станет до завтрашнего утра. Это вполне устраивало Наташу. Дело, на которое она отважилась, света не терпело.

Спрятав утюг в складках шубы, она заняла удобный наблюдательный пост и приготовилась ждать неприятеля, который рано или поздно должен был появиться сверху. Через несколько минут ее ожидание уже принесло плоды, но не совсем те, на которые она рассчитывала. Заскрипела дверь, расположенная напротив той, за которой бушевал грабитель, и из нее вышел Руслан собственной персоной. Не догадываясь о присутствии своей жены, притаившейся внизу, как на охоте, он произнес в открытую дверь:

– Целую ручки. Зайду еще, позднее.

Руслан встал на верхнюю ступеньку, намереваясь спуститься, и вдруг его взгляд упал на окаменевшую от возмущения жену.

– Почему ты здесь торчишь? Что случилось? Ты шпионишь за мной? – предположил он.

– Не ори ты, олух. Иди сюда, быстро. А кому ты там ручки целуешь, мы дома разберемся. Шевелись побыстрее.

– Как мне надоели твои фокусы, – печально простонал Руслан, но к жене подошел.

– Некогда жаловаться. У Даши в квартире воры, я должна их обезвредить с помощью этого, – сообщила мужу Наташа на одном дыхании. Одновременно она продемонстрировала

ему свое оружие.

Услышав, что его жена собирается в одиночку с помощью утюга бороться с противником, превосходящим ее числом и массой, Руслан слегка оторопел. И полувопросительно прошептал:

– Ты ведь вызвала милицию, она скоро приедет.

– С чего ты взял, что я ее вызвала? Мы и вдвоем справимся. Ты ведь не оставишь меня здесь одну? Хоть ты и ходишь в гости и целуешь ручки, но муж-то ты только мне. Поэтому иди быстро домой и прихвати какое-нибудь оружие.

Руслан побледнел:

– Наташа, я умоляю тебя, не шути так. И почему ты решила сидеть здесь? Это же глупо. Пойми, если в квартире действительно воры, то они увидят тебя сразу, как только выйдут.

– Я не шучу, а ты хочешь испортить мне весь триумф. Никакой милиции. Запомнил? И я отсюда не уйду. Самое большее, что я могу для тебя сделать, – спрятаться вот за этот угол.

Убедившись, что она не шутит, Руслан пришел в ужас. Он решил, что жена неожиданно сошла с ума. Сомнений не было. Как поступают в подобных ситуациях, он не знал. Утащить ее силой? Не удастся без борьбы. А драться с женщиной он не мог. Как же заманить ее домой?

Такие мысли мельтешили в голове Руслана. И пока он мчался домой за оружием, пока вызывал милицию, давая чу-

довишно сумбурные показания в трубку, путая в спешке номер своей квартиры с номерами домов, где когда-либо раньше жил, на лестнице разворачивались следующие события.

Дверь моей квартиры распахнулась, как от удара ноги. Из нее вывалился высоченный детина. Шапка съехала на затылок, и лицо его можно было разглядеть прекрасно, несмотря на полумрак. Этим Наташа и занялась в первую очередь. Она прекрасно знала, как важен словесный портрет преступника. Она внимательно изучила карие, слегка навывкате глаза, породистый нос, светлые брови и, скажите на милость, чисто выбритые щеки. Затем она перешла к осмотру всей его тощей, но длинной фигуры. Фигура была вполне ничего. Это взбесило Наташу в преступнике больше всего. Какого черта этот негодяй такой симпатичный! Ворам полагается ходить в грязной одежде и быть уродами или иметь на лице печать внутреннего криминального мира. В руках у негодяя ничего не было, кроме маленького кожаного портмоне. Но Наташа уже привыкла считать его вором, поэтому отсутствие похищенных вещей в его руках не могло ее заставить передумать. В охватившем ее боевом задоре Наташа не могла думать ни о чем, кроме того, как она его обезвредит.

Между тем негодяй, и не подозревающий о том, что стал предметом пристального наблюдения, не торопясь, подходил к месту, где укрылась в засаде Наташа, опасная сейчас, как гремучая змея. Вжавшись в стену, Наташа мужественно сдерживала дрожь в руках, ногах и всех прочих частях те-

ла. Она старательно шарила глазами по лестнице, пытаясь понять, в каком месте ей удобнее напасть на вору. И вот их разделяет всего четыре метра, три метра, два метра. Пора!!! Наташа распрямилась как пружина и бросилась вперед, размахивая утюгом из стороны в сторону, с волосами, встопорщенными от волнения, и лицом, прикрытым ужасной маской. Она покрыла расстояние до неприятеля огромными прыжками. При каждом прыжке она ухала как сова, полы шубы хлопали ее по ногам и создавали дополнительный эффект. Порой для большего устрашения врага Наташа издавала хриплые вопли, похожие на карканье тяжело заболевшей ангиной вороны.

Парень обалдело уставился на несущееся на него чудовище. Главный свой козырь – фактор внезапности – Наталья использовала как нельзя лучше. Бандюга явно не рассчитывал на встречу на самой обычной лестнице, в самом заурядном блочном доме (находящемся в редкой близости от метро, то есть в месте цивилизованном) с существом из фильмов ужасов. А существо было настроено, судя по всему, агрессивно и к тому же заслоняло собой единственный путь к отступлению. Парень оказался не робкого десятка и решил вступить в схватку с неведомым созданием и подороже продать свою жизнь.

С криком: «Ну, тварь, убью!» – он попытался нанести удар, но был сам оглушен чем-то тяжелым. На его счастье, на голове была меховая шапка, и удар утюга оказался не смер-

тельным. Странная тварь оказалась на ощупь довольно мягкой, пушистой, и мех ее отвращения не вызывал. Но вдруг она перешла на нестерпимо оглушительный визг:

– А-а-а-а!

От этого визга трещало в ушах и лопались барабанные перепонки. Чтобы заткнуть этому созданию рот, бандит попытался достать его кулаком. Чудное создание оказалось проворнее и шмякнуло его чем-то увесистым по кулаку, рассадив кулак в кровь.

«Хоть бы кто-нибудь вышел узнать, в чем дело, – одновременно подумали Наташа и бандит. – Долго я не продержусь».

Как на заказ, из двери выскочил Руслан. Бандит, увидев внешне нормального человека, возликовал в душе. Но тот почему-то вместо того, чтобы наброситься на неведомое и опасное существо, набросился с кулаками на него самого. При этом он нес, на взгляд бандита, полную ахинею. Он кричал:

– Я тебе покажу, как обижать мою девочку. Ну, держись! Сейчас тебе мало не покажется! Негодяй! Драться с женщиной!

При этом он убедительно доказывал кулаками, что не шутит. Совсем потерявшийся бандит с ушибленной головой и вышедшей из строя рукой думал только об одном – как бы унести отсюда ноги. Бежать, немедленно спастись из этого сумасшедшего дома. Мобилизовав все оставшиеся силы, он вложил их в невиданно мощный скачок, во время которо-

го умудрился стряхнуть с себя повисшее на нем существо, которое этот псих из квартиры напротив называл дорогой девочкой. Оставив в лапах «дорогой девочки» часть своего гардероба, он ловкой подсечкой сшиб враждебного мужика и опрометью кинулся прочь.

Оставшись без помощи мужа, Наташа предприняла было попытку преследовать вора, но окончательно запуталась в полах своей шубы и грохнулась рядом с прикорнувшим у стены мужем. В момент падения ее рука очень неловко подогнулась, и Наташина скула со всего маха припечаталась к уюту. Это был единственный урон, который она понесла в сражении. Невзирая на нарастающую пульсацию в поврежденной скуле, первым делом она позаботилась о своем поверженном супруге, который продолжал инфантильно лежать на полу возле стены, прислонившись головой к холодным перилам. Она предприняла ряд энергичных мер по извлечению его из этого покойного состояния. Наташа пыталась привести его в себя, когда внизу раздался подозрительный шум. Кто-то топал по лестнице вверх.

«Возвращается сам и привел подмогу», – в панике подумала Наташа. Она подхватила своего все еще вялого супруга под мышки и потащила его к дверям квартиры. Ее боевой пыл совершенно угас и вступать в новую схватку ей не хотелось. Но добраться до дверей она так и не успела.

– Стой, где стоишь! – раздался властный голос, принадлежавший, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, ка-

питану милиции в полной форме.

Наташа послушно выпрямилась, муж, оставшись без поддержки, тут же опустился на пол у ее ног, и Наташа опять поспешно наклонилась к нему.

– О-ой, – выдохнул из себя капитан, увидев огромные зубы и красную рожу, склонившуюся над бездыханным человеческим телом. Маску Наташа снять не успела. И только сейчас она заметила, что судорожно сжимает кожаный бумажник вора, который теперь вроде является уликой.

Улики всегда живо интересуют милицию. Это Наташа помнила точно и, невзирая на некоторый разброд в мыслях, сообразила о последствиях, которые ее ждут, расскажи она про улику. Стоит милиции узнать про этот трофей, и они тут же отнимут его. И, ясное дело, не расскажут ей, что в нем было. Наташа решила не говорить о своей находке и сдернула с себя маску.

– А, это ты, Наталья, – с облегчением узнал знакомое лицо капитан, – давно не виделись.

Облегчение, которое он испытал в первый момент, поняв, что это за личность, быстро улетучилось, когда он вспомнил, сколько неприятностей у него было в разное время по вине этой личности.

– В этот раз убийство или ограбление? – спросил он.

– Напрасно издеваетесь, – с искренней досадой отозвалась Наташа. – Между прочим, мы с мужем пытались задержать грабителя.

Раньше муж не фигурировал в Наташиных делах в качестве свидетеля, и капитан насторожился.

– Какого грабителя? – спросил он.

– Я услышала подозрительные звуки в квартире прямо надо мной и предприняла необходимые меры к задержанию преступника, – с достоинством ответила Наташа.

– Какие еще меры? Могу себе представить, – простонал капитан. – Свежи еще воспоминания о перестрелке, которую ты учинила в участке, но не будем об этом, – быстро сказал он, заметив, что Наташа готовилась протестовать. – Окажи помощь, вызови «Скорую» и, прошу тебя, не суйся больше.

Но сейчас Наташу меньше всего волновало состояние мужа. Милиция была отличным прикрытием. Теперь бандиты были совершенно ей не страшны, а наверху в квартире могла быть масса интересного. Она уже рванула было вверх по лестнице, чтобы попасть на место преступления первой, но капитан был начеку и успел перехватить ее.

– Будь здесь и делай, что я тебе велел, – строго приказал он ей, а сам со своей группой поспешил наверх, разобравшись, что именно там произошло преступление, если, конечно, оно произошло.

Выйдя из уютной и теплой, но чуточку душной квартиры на улицу, я попала в дивный зимний вечер. Сегодня зима оправдала свое название в лучшем виде. Снег падал большими пушистыми хлопьями и мягким покрывалом прикрыва-

вал обычную городскую грязь. Липы на аллее оделись в белые, прямо подвенечные наряды и стали напоминать шеренгу невест на выданье. Я оставила на нетронутом снежном покрове прихотливую цепочку своих следов и пробралась к остановке автобуса. Снег немедленно принялся залеплять мне глаза, рот и нос. Забился в рукава, заботливо прикрыл плотной вуалью волосы. Буквально через несколько минут я уже не отличалась цветом от царящей на улице белизны. Я очень напоминала снеговика или, скорее, снежную бабу, которая перед сном решила прогуляться по улице.

Возвращаясь, уже возле самого своего дома я столкнулась с еще одним снежным человеком. При более детальном осмотре выяснилось, что я даже знакома с ним. Это была Наташка. Я с трудом узнала ее. Один глаз распух и закрылся, лицо было белее снега, обильно всю ее покрывавшего. Волосы разметались, и в них запутались снежинки и какие-то кусочки неизвестного происхождения. Но здоровый глаз светился задором, и сама она энергично приплясывала под падавшим на нее снегом. Увидев меня, она прокричала довольно бодро для начинающего снеговика:

– Что здесь было! И между прочим, тебя касается. Ты мне теперь должна быть по гроб жизни благодарна. Ведь это из-за тебя мне так здорово досталось.

– Объясни подробно, что случилось-то. Не ори только, а то я с ума сойду с тобой. Встречаю тут полудевочку-полуснеговика с разбитой рожей, которая обвиняет меня непонятно

в чем. Почему ты здесь, а не дома? Снег же идет.

– Я тебя поджидаю. У тебя дома полно ментов. Они сразу вцепятся в тебя с вопросами. Ничего толком не расскажут, напугают до полусмерти. Потому я и жду тебя, чтобы предупредить и, так сказать, ввести в курс дела.

Услышав про ментов, ждущих меня дома, я стала домысливать, конечно же, самое ужасное и выпалила первое, что пришло в голову:

– Сколько же трупов они нашли?

Наташа глянула на меня с испугом и спросила:

– С чего это ты заговорила про трупы? Ты в чем-то замешана? – Не дождавшись от меня ответа, она объяснила: – Нет никаких трупов. Просто в твоей квартире побывали гости, которые не слишком церемонились с обстановкой. И как ты думаешь, кто же их вывел на чистую воду, кто, рискуя собой, пытался задержать их, кто не побоялся схватиться с взломщиком?

Затаив дыхание, я спросила:

– Ты?

– Только благодаря моей бдительности не случилось кое-чего пострашнее, – гордо кивнула в ответ Наташа.

Она прямо раздувалась от гордости, и в другой раз я разделила бы ее чувства, но сейчас мне было не до этого, и я только сообразила, что на время мне не угрожает встреча с покойником. Хотя по опыту знаю – как только на горизонте появляются сотрудники милиции, мертвецы тоже не застав-

ляют себя ждать.

– Ты, может быть, объяснишь мне по порядку, а? – протитительно протянула я.

– С радостью, – ответила Наташа и действительно с нескрываемым торжеством поведала о бурных событиях, которые произошли в доме, пока я успокаивалась у Юльки.

– И ты хочешь сказать, что вызвала участкового?

Вспомнив об утреннем визите, я почувствовала легкий приступ злорадства. Интересно, чем он сможет отмазаться теперь, когда налицо вещественные доказательства в виде перевернутой вверх дном квартиры и живой свидетельницы, горящей желанием сотрудничать с органами. Имеются описания громилы, данные этой самой свидетельницей. Я не сомневалась, что теперь милиции придется взяться за мое дело.

– Наташенька, вперед, за дело! – с этим возгласом я устремилась к лестнице и взлетела по ней в считанные секунды (а живу я на восьмом этаже).

Наверху, возле самой квартиры, меня тоже поджидали. Две бабушки из соседней квартиры, сгорая от любопытства, выглядывали из своих дверей. Заметив меня, они засеменили навстречу, возбужденно восклицая:

– Что же это делается на свете белом, миленькая ты моя! Что творится-то!

Следующую фразу они произнесли уже хором:

– Ограбили, ограбили! И нас могли.

Потом опять по очереди:

– Милиция у тебя засела. Уже второй час сидят!

– Ограбили...

– Страшные, чуть концы не отдала, как увидела.

– Ограбили и нас...

– Да замолчи ты, заладила одно и то же, – набросилась первая бабуля на вторую. Та испуганно заткнулась, и первая уже собралась продолжить свои сетования, но открылась дверь моей квартиры, и оттуда высунулась голова в форменной фуражке. Из получившейся щели голова оглядела нас всех по очереди: меня, Наташу, двух бабушек и вновь остановилась тяжелым взглядом на мне. Потом голова спросила:

– Ты, что ли, хозяйка?

– Она, она! – лишив меня слова, хором закричали остальные.

– Заходи, – распорядилась голова.

Я послушно зашла. Зрелище, представшее моему взору, удручило бы любую женщину, старающуюся поддерживать некоторое подобие порядка в доме. В углу лежал мой перевернутый диван, вещи в беспорядке валялись на полу. На люстре висели футболка и шерстяной шарф. Телевизор стоял боком и почему-то на платяном шкафу, чьи дверцы были распахнуты, а все содержимое живописно расположилось по всему полу. Ковер, висевший раньше на стене, лежал поверх дивана, а тот, который прежде прикрывал середину комнаты, сейчас комком свернулся в углу. На кухне черепки фарфора

перемешались с выпавшими кастрюлями и некоторыми продуктами. И весь этот винегрет покрывали несколько слоев из муки, разных видов круп, соли и сахара. На всех гладких поверхностях красовались черные жирные отпечатки пальцев, оставленные, впрочем, уже сотрудниками милиции. На единственном целом стуле сидел мой знакомый лейтенант. Он поднял голову и замер, словно увидел змею.

– Да, вы не ошибаетесь. Это я. Я вас тоже узнала, – радостно произнесла я.

Здороваться с ним я не собиралась – и так утром виделись.

– Очень хорошо, – промямлил он в ответ, – присаживайтесь, поговорим.

Так как единственный стул, находящийся в комнате, занимал он сам, я осторожно опустилась на остатки кресла. Именно кресло пострадало больше остальных вещей, насколько я могла заметить.

– Ваши данные?

– Вы что, не узнаете меня? Утром виделись. И хочу пояснить сразу же, что я не хозяйка, а только живу здесь. Правда, уже больше двух лет.

– Я буду к вам обращаться по имени, – заявил лейтенант.

«Надо же, какой шустрый», – подумала я, а вслух спросила:

– А мне как вас называть?

– Дмитрий Степанов. Капитан милиции.

Оказывается, я ошибалась, он уже капитан. А вот выгля-

дит в точности как лейтенант. Я изобразила на лице готовность выслушать его извинения. Он догадался, чего я от него жду, и тяжело вздохнул:

– Вы сегодня навещали нас в отделении, и я вам, признаюсь, не поверил. Вы несколько странно выглядели. Очень неестественно. Как будто нарочно старались себя изменить. Вот и сейчас ваши волосы и цвет лица мне кажутся необычными, – сказал после продолжительной паузы капитан и выжидательно посмотрел на меня.

– Я вам уже объясняла, что за мной следили. Я специально переоделась перед тем, как пошла к вам. Могу повторить, что преследуют меня неизвестно из-за чего и второй раз вламываются в квартиру. Только первый раз они все сделали очень аккуратно. Ничего не громили, немного вещи передвинули с места на место, и все.

– Ну, в этот раз они не стеснялись – все здесь перевернули. Явно что-то искали, но вот что? Вы не знаете? Кстати, почему вы говорите «они»? Почему во множественном числе? Подскажите нам, пожалуйста.

«Похоже, что из рассказанного мною в участке он ничего не помнит. Или притворяется, что не помнит? Может быть, еще раз хочет послушать и сравнить с моими предыдущими показаниями?» – спросила я сама себя, но понятно, что не вслух.

– Почему не подсказать, хотите, десять раз повторю свою историю, – сказала я громко, – вам, наверное, теперь будет

интересно послушать. После случившегося вы мной должны заинтересоваться. Я говорю «они» потому, что видела слежку за собой из двух человек и слышала, как они упоминали еще про какого-то агента и про шефа.

– Чем, по вашему мнению, вы могли их так взволновать? Какую вещь они ищут? У вас есть какие-нибудь предположения? – продолжал добиваться от меня невозможного капитан.

– Я уже голову сломала над этой загадкой. И чего они ко мне прицепились, понять не могу. Но вы, я вижу, сняли отпечатки пальцев со всех предметов в квартире и теперь вам ничего не стоит идентифицировать их по вашей картотеке.

– Если только он был без перчаток и раньше уже попадал к нам, – поспешил разочаровать меня капитан Степанов.

– Значит, найти их невозможно, – упавшим голосом спросила я.

– Хм-хм. Они от вас не отстанут, пока не получат свое назад. То есть выйдут на вас и будут следить за всеми вашими действиями, а мы будем следить за ними в свою очередь. Все очень просто. Если они схватят вас, то мы сможем проследить их берлогу. Надеюсь, что они выйдут на вас, тогда мы сможем инкриминировать им хотя бы похищение человека.

Это «хотя бы» мне очень не понравилось. Что он имеет в виду, интересно знать? Хочет, чтобы мне поджаривали пятки над камином или пытали электричеством? Тогда милиция сможет предъявить бандитам статью «нанесение телес-

ных повреждений»? Но мне абсолютно нет резона подставлять себя как приманку. А вдруг бандиты решат не связываться со слежкой, а просто кокнут меня? Милиция их поймает, дело раскроется, но мне все это уже будет глубоко безразлично.

– У меня есть встречное предложение, – сказала я. – Я посижу дома, а вы покараулите на улице, бандиты наверняка опять появятся. Тут вы их и...

– Нет, – отказался Степанов. – Во-первых, если даже они решатся сюда вновь сунуться, мы можем их спугнуть. Дома очень тесные, и все просматривается.

В этом он был, безусловно, прав. Дом мало подходил для того, чтобы несколько здоровых мужиков незаметно следили бы друг за другом.

– Во-вторых, – продолжал капитан, – им важно сейчас проследить ваши связи, а значит, следить будут на улице главным образом. И в-третьих, они должны совершить какое-нибудь противозаконное действие для того, чтобы мы их схватили. Они должны напасть на вас, применить оружие, попытаться ограбить хотя бы.

Опять он за свое. Почему именно я? Как я спокойно жила, пусть чуточку скучновато, но зато в безопасности. Никаких бандитов, похищений, оружие ко мне никто не применял – ни горячее, ни холодное. Я попыталась осторожно прояснить ситуацию:

– Значит, если я соглашусь побыть подсадной уткой, вы

выделите человека, который бы охранял меня от бандитов?

– Даже несколько человек. Для смены.

– А что будет со мной, если откажусь от вашего плана?

– Людей у меня маловато, и я смогу выделить для охраны только одного человека. Этого, конечно, будет недостаточно для вашей безопасности. Даже одного я смогу выделить вам только на пару дней.

Наконец-то мне все стало предельно ясно и понятно. Либо я сотрудничаю с милицией, и они, хочется верить, позаботятся о моей безопасности, по крайней мере, постараются. Или остаюсь сама по себе, а милиция для очистки своей совести немного подежурит, а потом займется другими делами. Смею уверить всех, что мне было нелегко сделать выбор. Но я призвала на помощь всю свою решительность и произнесла слова, в которых мне было суждено потом не раз раскаяться:

– Мне не остается ничего другого, как согласиться вместе с вами и в качестве приманки попытаться разобраться в этом деле.

Странно, но как только я произнесла эти слова, то сразу же почувствовала себя очень отважной. Мне стало легче. Теперь я не одна против неведомой преступной шайки. Теперь я могла не просто сидеть пассивно у себя дома и ждать развязки. Я могла сама выйти на охоту за негодяями, преследовавшими меня неизвестно из-за чего. Капитан Степанов расцвел, как майский цветок, и принялся энергично потирать руки, приговаривая при этом:

– Это замечательно, очень рад. Вы решили совершенно верно. Теперь вы поможете нам, а мы в свою очередь вам.

Когда улеглись взаимные восторги, мы обсудили наши дальнейшие совместные действия. С девяти часов завтрашнего утра я буду находиться под наблюдением двух переодетых в гражданское сотрудников. Мне вменялось в обязанность сходить в Эрмитаж, с которого начались мои приключения, потолкаться в людных, но не слишком, местах, зайти в гости и так далее. Сейчас мне следовало закрыть дверь на все замки и никого не впускать. Если бандиты захотят вдруг вступить со мной в переговоры, то мне нужно было согласиться и назначить им встречу, помня, что пойду я на нее не одна, а с «хвостом». Поэтому это могли быть кафе, театр, магазин. Телефон мой, само собой, будет поставлен на прослушивание, правда, из-за переоснащения технической базы милиции это может занять несколько дней. Приятно было слышать о столь долгосрочных планах. Если ко мне будут ломиться, то я должна буду, не привлекая внимания бандитов, позвонить по телефону, оставленному мне Степановым. Он обещал, что спасать меня приедет целое войско и очень быстро. Бояться я не должна.

Вскоре милиционеры удалились, а я приступила к титаническому труду, заключававшемуся в уборке квартиры. Попотеть пришлось мне здорово. Я сгребла в одну кучу все пришедшее в негодность: черепки, осколки, макароны и прочее, что невозможно уже было использовать больше по назначе-

нию. Куча получилась внушительная. Соскребла кетчуп с линолеума и угольный порошок с дверей и только приступила к возвращению сохранившейся мебели на ее привычные места (убитое кресло я решила пока не трогать), как раздался звонок телефона.

– Алло, – осторожно прошептала я в трубку, ожидая услышать грозный голос.

– Алло, это я, Наташа. Можешь со мной поговорить? Дело есть.

– Могу, только зайди лучше ты ко мне. Я буду одновременно убирать свой кавардак, сама понимаешь. Поднимайся ко мне. Я тебя еще толком и не поблагодарила за твою отвагу, заодно и поблагодарю.

– Сейчас приду. Когда ты узнаешь мои последние новости, то запрыгаешь, как молоденькая козочка, – загадочно сказала Наташа и отключилась.

Через добрых 15 минут, когда я потеряла уже всякое терпение, услышала наконец топот на лестнице, и по всей квартире разнесся требовательный звонок. За это время я преисполнилась самых мрачных предчувствий о своей будущей судьбе.

– Она задумала новую аферу! Это как пить дать, – говорила я сама себе. – В этот раз вряд ли удастся отделаться легким переломом ноги. Дело пахнет смертоубийством. Утешает только одно, что от замыслов Наташи еще никому не удалось заскучать. Значит, мне тоже не придется.

После таких доводов, приведенных мною самой себе, я немного приободрилась и, открывая дверь Наташе, смогла выдать из себя максимально жизнерадостную улыбку, которая была возможна при сложившихся обстоятельствах. Наташа небрежно отмахнулась от моих слов благодарности и, не обращая внимания на развал в комнате, сразу же перешла к делу.

– Ты сядь, – участливо посоветовала она мне.

Я села.

– Вот так, хорошо, – одобрила Наташа и объяснила: – После всего происшедшего и во время показа того, что я собираюсь тебе продемонстрировать, лучше тебе сидеть.

Я в свою очередь предложила ей приземлиться, напомнив ей про ее геройское поведение, которое должно было отнять уйму сил.

– Чепуха, я не за тем пришла. Вот! – С торжествующим возгласом Наташа с ловкостью фокусника вытащила из-за спины кожаную мужскую сумочку, явно дорогую и коричневого цвета. Такие сумочки мужская половина человечества обычно носит на запястье на кожаной петле, которая у данного образца полностью отсутствовала. Вместо нее была рваная дырка с неровными краями. Словно кто-то вцепился в эту сумочку, владелец ее в этот миг резко и сильно дернулся в сторону, в итоге ременная петля осталась у него на руке, а сумочка оказалась у... Наташи?

– Откуда эта вещь и чья она? – строго спросила я.

– Не догадываешься?

– Догадываюсь. Того типа, с которым вы схватились на лестнице сегодня. Это трофей?

Я не смела верить в такую удачу. Восхищение Наташей, которое до этого мне удавалось как-то сдерживать, прорвалось наружу и выразилось в вопле восторга:

– Йо-хо-хоо!!! Ты понимаешь, какую улику ты раздобыла для следствия? Там внутри хранится масса неценно важных вещей, с помощью которых милиция быстро раскроет это дело, и я опять буду в безопасности. Там внутри наверняка есть записная книжка и прочий компромат, и милиция быстро накроет шайку. А главное, что мне не придется работать живцом. Ты меня второй раз только за один день выручаешь! Спасибо тебе, милая. Завтра, нет, сегодня же отнесем эту сумку в милицию. Они прямо сразу же смогут начать разбираться и, возможно, уже утром поймают этого типа и его дружков.

Восторг мой бурлил и плескался, словно суп в кастрюльке на большом огне. Я чувствовала себя почти спасенной и не обратила внимания на смену настроения на лице у Наташи. В начале моего монолога она, казалось, вполне разделяла мою радость и вся светилась, но, услышав про милицию, несколько посмурнела и под конец сидела мрачная, как грозовая туча. Закончив петь дифирамбы мужеству Наташи, я взглянула на виновницу моей эйфории и потрясенно спросила:

– Почему ты такая хмурая? Что с тобой случилось? Людям, совершившим подвиг, не полагается сидеть с такой кислой миной.

– Так ты думаешь, что я рисковала собой, жертвовала здоровьем – меня могли легко убить, – и все это ради того, чтобы лавры опять достались милиции? Ты серьезно так думаешь? При чем здесь милиция, Даша? – с надрывом спросила Наташа.

– То есть как «при чем»? – удивилась я. – Тебе зачем эта сумочка? Ты же не собираешься в одиночку ловить этих проходимцев?

Ледяное молчание было мне ответом.

– Значит, собираешься? – ахнула я, чувствуя себя как человек, которого только что вытащили из омута, в котором он тонул, и, дав вздохнуть пару раз, кинули обратно в воду, где поглубже.

В гробовом молчании мы просидели минуты три. О чем думала Наташа – не знаю. Лично я медленно, но верно погружалась в пучину отчаяния. Но я не могла, не имела права сдаться судьбе, не сделав хоть слабой попытки спастись.

– То, что удалось тебе сегодня, затмило тебе мозги. Ты женщина и по чисто физическим показателям слабее любого мужика. У тебя не получится воевать с бандой из четверых здоровых мужиков и выиграть. Даже сегодня тебе помогал муж, согласись. Тебя просто пристукнут. Пожалей Руслана, если меня тебе не жалко.

Но Наташа не услышала моих стенаний:

– Даша, это дело касается тебя в большей степени, чем меня. И тебя в первую очередь должно было бы заинтересовать содержимое сумочки. А между тем ты и в ус не дуешь. Я притаскиваю тебе на блюдечке, может быть, разгадку того, почему эти типы прицепились именно к тебе, а тебе и не интересно, похоже. Не ожидала от тебя, – с горькой обидой закончила она.

– Наташа, Наташа, – залезбила я перед ней, – не впадай в амбиции. Поговорим спокойненько. Обойдемся без взаимных обид и обвинений. Вот слушай, мне очень, конечно, интересно, кто же меня преследует, но пойми, милиция разберется в этом лучше нас. У них работают профессионалы, крепкие ребята. У них есть оружие, техника, средства передвижения, наконец. А у нас? Голый энтузиазм, так сказать, и больше ничего.

– Я все понимаю, но если мы отдадим им этот проклятый кошелек, то они скажут нам спасибо – и до свидания. Мы будем не в курсе событий. Я отказываюсь отдавать им сумку. Если ты не со мной, я сейчас же уйду и буду действовать на свой страх и риск. И моя смерть будет на твоей совести, так и знай.

– Подожди, я предлагаю поступить так. Отдадим им сумку только в том случае, если они согласятся поделиться с нами своими версиями, планами и ходом расследования хоть частично. Насколько я поняла, у них сейчас нет ни одной за-

цепки. В милиции будут прыгать от радости, что им удалось заполучить такую ценную улику, и точно согласятся немного нам порассказать, когда будет что рассказывать.

– Почему бы нам для начала не заглянуть в сумку самим? – предложила коварная Наташа. – Вдруг там лежат презервативы и шариковые ручки. Стыда не оберемся в милиции. Принесли, называется, улику. Капитан ухихикается. Да и все ржать будут.

– Не знаю, – задумалась я, – еще сотрем какие-нибудь отпечатки. Может, надеть перчатки, перед тем как лезть внутрь? Менты в фильмах всегда так поступают.

– Тащи скорей перчатки! – скомандовала Наташа, живо ухватившись за эту идею. – Есть у тебя хоть перчатки-то? У тебя самых необходимых вещей днем с огнем не найдешь.

– Есть у меня перчатки, и не одна пара. Почему бы им не быть? Вот, держи. У меня, если хочешь знать, все разложено по своим местам, только места эти знаю я одна.

Мы облачились в перчатки из тонкой кожи, оставшиеся от моей прабабушки и дивно сохранившиеся. Кажется, кожа называлась «лайка». Во всяком случае, они были на редкость изящны и плотно облевали руку. Я думаю, прабабушка в самые блистательные моменты озарений свыше не предполагала, для каких целей будут использованы правнучкой ее выходные перчатки. Но они идеально подходили для наших целей. Потом мы приступили к извлечению улики из сумки.

Первой мы достали потрепанную записную книжку в бор-

довом кожаном переплете, которой явно много и долго пользовались. Это было видно по тому, как замусолились углы страниц. Ее мы, по взаимному согласию, решили отложить на десерт. Она заслуживала детального и пристального исследования. Второй на свет божий появилась наполовину пустая пачка сигарет «Кэмел» с красной зажигалкой внутри. Зажигалка была самая что ни на есть простая. Таких в каждом ларьке навалом. Серьезным доказательством вины кого бы то ни было она служить не могла. Следующая вещь была уже более интересна для нас – читательский билет в залы бывшей Публичной, а ныне Российской национальной библиотеки.

– Я узнала его! – торжествуя воскликнула Наташа, едва взглянув на фотокарточку в билете. – С ним я дралась на лестнице.

Читательский билет был выдан на имя Амелина Петра Владимировича – студента 3-го курса университета культуры. Насчет того, что этот Амелин является студентом упомянутого или какого-нибудь еще университета, у меня были сильные сомнения, поскольку я сама много лет ходила в эту библиотеку по фальшивому пропуску, который утверждал, что я аспирантка, остро нуждавшаяся в литературе, хранящейся в недрах библиотеки, для написания диссертации. Хоть я и близко к аспирантуре, по крайней мере той аспирантуре, не стояла, а просто любила читать.

– Что за странный вор? Я бы еще поняла, будь он изощ-

ренным маньяком с искалеченной психикой, однако из хорошей семьи, но ведь он простой взломщик.

– Откуда ты знаешь, что он всего лишь взломщик? – грубовым голосом спросила Наташа.

– Просто хотелось так думать, – откликнулась я. – А он симпатичный на фотографии. Глаза большие и нос хорошей формы. Классической, я бы сказала. Он не похож на маньяка.

– Такие самые опасные, – умерила мой пыл Наташа.

Дальше мы извлекали всякую мелочь: проездную карточку на декабрь, а так как декабрь заканчивался через несколько дней и ожидался Новый год, я рассудила, что взломщик как-нибудь перебьется без нее оставшиеся дни, и потом вернуть ее владельцу было невозможно. Тысяч пять денег мелкими, ничем не примечательными купюрами. Все они были без единой пометки, которая могла быть сделана рукой подозреваемого. И использованный проездной железнодорожный билет во вторую зону с Финляндского вокзала. Таксофонные карточки в количестве шести штук, по виду которых было невозможно определить, уже использованы они или нет. И использованные билеты на выставки и в различные театры и кучу затертых бумажек с телефонами. Среди них попадались бумажки с памятками:

Кеша, 6 ч.

Кассета!

Купить колбасу! 19.05

Забрать пленку.

Воскр. – вых., вт.

Видимо, наш подследственный отличался рассеянностью и записывал свои дела на бумажках, чтобы не забыть о них. Был обнаружен также носовой платок из чистого шелка, ровного черного цвета, с вышитыми на уголке инициалами В.К. и затейливым узором по краю. Нитки, использованные для этой работы, были того же цвета. Платок, к моему несказанному облегчению, был чистым. Были там еще детали неизвестного механизма, возможно, часов; смятая золотая серьга, которая могла принадлежать как мужчине, так и женщине. Аудиокассета, надпись на английском языке утверждала, что на ней записан Луи Армстронг. Было похоже на то, что у моего взломщика хороший вкус. Или кассета была украдена у кого-то? Или на ней не Армстронг? Чтобы не ломать голову, мы незамедлительно поставили запись в магнитофон. Тут же из динамиков полился голос, спутать который с каким-нибудь другим было невозможно. Это и в самом деле был Армстронг, а не зашифрованное послание от одного члена шайки к другому.

На этом добыча иссякла. Оставался необысканным только один малюсенький карманчик бумажника, который на деле оказался сумочкой. Наташка влезла туда двумя пальцами и медленно извлекла оттуда... Ну да, правильно Наташа предсказывала – упаковку предохраняющих от инфекций, передающихся половым путем, средств. Их было три. Самых

обычных, в картонной коробочке с картинкой, изображающей девицу неглиже. Наташа брезгливо отложила их в сторону.

Я, сама не знаю почему, заглянула внутрь и была вознаграждена за свое любопытство. В коробочке кроме упомянутых выше изделий лежала свернутая вчетверо бумажка в клеточку. Она сообщала каждому желающему ее прочесть, что зал техники Публичной библиотеки закрыт по понедельникам на санитарный день с 14 часов.

– Опять он со своей библиотекой, – разочарованно заметила Наташа.

– Кажется, – сказала я, – мне известно, почему он ее запрятал. Ведь, насколько я помню, санитарный день в Публичке всегда последний вторник месяца и не только в зале техники, а во всей библиотеке одновременно, и не на несколько часов, а на целый день. То есть в санитарный день библиотека для читателей закрыта.

– Класс! – восхитилась Наташа. – У них намечены какие-то дела в понедельник в 14 часов в зале техники. Но Публичка такая огромная, некоторые отделы находятся в одной части города, а другие в противоположной. Студенческие залы на Фонтанке, а детские возле магазина «Юбилей», на другой стороне Невы, если стоять у Смольного. Куда нам бежать? Или будем носиться весь понедельник по всему городу, чтобы попасть в нужное место. Попав на нужное место, мы сможем обнаружить, что уже опоздали.

– Про это пусть голова у тебя не болит. Я знаю отлично, где находится зал техники. Я сама там не раз занималась. Только боюсь, что мои знания не пригодятся.

– Почему?

– Бандиты будут думать, что их сумочка у милиции. Они же не догадываются, что мы ее зажилили. И действовать будут соответственно.

– То есть?

– Не попрутся туда, где их могут ждать.

– Но милиция, если бы и получила эту сумочку, все равно в лицо знала бы только одного человека. Этого злосчастливого Амелина, а остальных нет. Поэтому остальные могут пока не волноваться. Их никто, кроме тебя, не видел. И про то, что ты их видела, они тоже не знают. Они спокойно придут, куда запланировали, – возразила Наташа, и в ее словах была своя логика, с которой я вынуждена была согласиться.

Следующая ее фраза понравилась мне уже значительно меньше:

– Они придут в зал техники, не ожидая увидеть тебя там, а ты, находясь в полной безопасности в людном месте, выследишь их. Или тебе удастся подслушать, о чем они будут договариваться. Я бы тоже пошла, но у меня нет пропуска в библиотеку. Поэтому мне придется ожидать результатов снаружи.

– Каких это результатов ты собираешься ждать на улице? Выноса моего тела? Не забывай, что я видела их в темноте,

а вот у них есть моя фотография.

– Ты опять изменишь свою внешность. Тебе это отлично удается, – польстила она мне. – Они тебя не узнают. Что касается того, что ты их не узнаешь, то должны же они себя выдать чем-нибудь: одеждой, стрижкой, жестом, голосом. Тут-то ты их и опознаешь. И потом, кто ходит в библиотеку? Одни старички и негры, а молодых мужиков спортивного вида там точно немного. Так что сориентируешься.

– Наташа, мне только непонятно, почему ты все время для меня выделяешь самый захватывающий фронт работ, а сама остаешься на заднем плане или на улице? Твое бормотание про отсутствие пропуска – чушь собачья. Одноразовый пропуск можно добыть легко. Скажем, тебе надо в отдел кадров. При наличии паспорта тебе выдадут бумажку, по которой ты сможешь пойти вместе со мной. Паспорт у тебя есть, надеюсь?

– Да.

– Тогда тебя пропустят без проблем. Ну а обратно уж всех выпускают. Лишь бы книг или другой печатной продукции не выносила. Но ты ведь не станешь в этот раз книги тырить? Нам не до этого будет, – пошутила я, не подозревая, как скоро слова мои обернутся правдой. И продолжала: – Что касается Амелина, то его присутствие в библиотеке маловероятно. Билет он потерял. А кроме него, тебя узнать больше никто не сможет. Тебя из их шайки только Амелин и видел, а остальные могут знать только по его рассказам и только в

образе чудища. Может, он, конечно, пролезет в библиотеку как-нибудь. Наплетет всякой ахинеи, милиция уши развесит и пропустит. На этот случай у меня есть мысль. А что, если мы тебя тоже замаскируем?

– Хорошая мысль, – одобрила Наташа, – если получилось с тобой, так и со мной получится.

– Только вначале оформим тебе пропуск наверх, а потом в дамской комнате придадим тебе совершенно неузнаваемую внешность.

– У вас там и дамская комната?

– Туалет, попросту говоря, и не один.

Наташа вновь вернулась к вещам, принадлежащим горе-студенту, и жадно схватила записную книжку, которая заинтересовала нас больше всего и которую мы, не утратив, принялись рассматривать. В ней было огромное количество телефонов, но, к нашему обоюдному разочарованию, все они, кроме трех номеров, были записаны шестью цифрами, а в нашем городе телефонные номера семизначные. И даже эти три номера принадлежали двум школам и больнице, в которых никто слыхом не слыхивал ни о каком Амелине, что мы установили, не без труда дозвонившись по всем трем телефонам. Все остальные представляли собой тайну тем более загадочную, что некоторые содержали в себе буквы. Кроме того, все телефонные номера Амелин (если это были номера, а не чудовищная мистификация) не потрудился снабдить какими бы то ни было указаниями. Например, хотя бы

так: 936—821 – Виктор Михайлович. Нет, никаких имен или аббревиатур. Для человека, записывающего даже мелкие бытовые поручения на подвернувшихся под руку клочках бумаги, такое отсутствие примечаний возле цифр было поразительно.

Не мог же он все их держать в памяти?

Такая, казалось бы, перспективная записная книжка на проверку смогла порадовать нас всего тремя телефонами, но они тоже были бесполезны для нас.

– На всякий случай запишем эти числа из его книжки на чистый лист бумаги и сохраним.

– Да? И кто этим займется?

Мы с надеждой и мольбой посмотрели друг на друга. Я сориентировалась в ситуации быстрее, чем Наташа, и первой произнесла:

– Почерк у меня неважный, и пишу я на редкость грязно. Потом ничего будет не понять. Учителя в школе просто стояли от моих каракуль, – прибавила я для достоверности.

Наташа укоризненно посмотрела на меня и, тяжело вздохнув, приступила к переписыванию номеров. Я в это время занималась хозяйственными делами, которых оставалась еще уйма. Где-то на середине работы Наташу осенила мысль:

– А для чего я их переписываю?

– Мы оставим твою копию для себя, а оригинал передадим.... Не догадываешься, куда мы его передадим?

– Я не хочу в это верить, – заявила Наташа. – Даша, мне

казалось, что теперь, когда мы раздраконили эту сумку, нам незачем идти в милицию.

– Мы составим перечень всего найденного в сумке и оставим его себе, а все вещи и сумку отдадим в милицию. За это деяние мы потребуем от них благодарности, которая будет заключаться в сообщениях нам интересных новостей. Только на этих условиях, и ни на каких иных, мы отдадим ее. Поэтому, капитан честный человек, и если даст нам слово, то уж постарается сдержать его.

– Было бы здорово самим все распутать, – довольно вяло опять затянула свое Наташа, но я быстро перебила ее:

– И думать забудь об этом. Милиция будет работать на себя и на нас, а мы только сами на себя. Получается, что на нас работают две стороны. Кроме того, милиция обещала мне на завтра... – Здесь я прикусила себе язык, потому что представила себе реакцию Наташи на известие о том, что нас будет пасти переодетый в штатское страж закона. Она бы потребовала от него избавиться. Может быть, она и не напала бы на него, но уж убежала бы как пить дать. А мне после таких трудов по выклянчиванию охраны не хотелось лишиться этой самой охраны в один момент. «Ну уж нет, – подумала я, – про это я ей пока рассказывать не буду».

– Почему замолчала? – спросила Наташа. – Вспомнила о чем-то важном?

– Нет, ничего особенного. Ты пиши, а я займусь расшифровкой записок. Что может значить, например, такая запись:

«Воскр. – вых., вт.»?

– В учреждениях типа поликлиник, офисов, банков, заводов воскресенье всегда выходной и писать об этом просто глупо, но если человек работает в ресторане, магазине или вообще там, где предусмотрена сменная работа, то такая запись вполне оправдана. Может, это график его работы. Или график работы чего угодно. Дескать, в воскресенье будет закрыто, а я зайду во вторник.

– Так мы ни к чему не придем. Попробуем теперь удачи с номерами телефонов, которые на бумажках, – сказала я.

– С ними все прекрасно. Они очень четко записаны. Вот смотри, телефон некой Анны – 544—98—30. Сразу становится ясно, что эта Анна живет в районе Пискаревки. Только что нам с этого?

– Предлагаю позвонить ей и спросить, кем ей приходится Амелин Петр. Навешать ей побольше лапши на уши и напустить густого тумана.

Набрав номер этой Анны, я нарвалась на ее мужа, и тот, услышав заготовленную мной фразу, почему-то начал пыхтеть, как закипающий дедушкин самовар. Пыхтел он очень долго. Я уже отчаялась услышать его соображения по поводу Амелина, как вдруг мужа Анны прорвало.

– Это негодяй! – заголосил он. – Попадись он мне, я ему голову и прочие части тела открутил бы. Выманил у моей жены почти миллион на приобретение какой-то музейной вещицы и, естественно, пропал. Она у меня такая доверчивая.

Ее обмануть ничего не стоит.

«На собственном опыте проверено», – чувствовалось, чуть не добавил он, но вовремя удержался. Из дальнейших переговоров я почерпнула массу информации, которую муж обманутой Анны давал с удивительной охотой. Видно, рад был поделиться наболевшим. Услышав, что я тоже пострадала от деяний Амелина, хоть и в другом роде, он сразу почувствовал во мне родственную душу и преисполнился сочувствия и доверия ко мне. Мне оставалось только слушать и временами, в наиболее занятных местах его истории, задавать наводящие вопросы.

Выяснилось, что негодяй Амелин познакомился с Анной на выставке японского искусства, которую эта возвышенная натура посещала в свое свободное воскресное утро. Амелин произвел на Анну самое благоприятное впечатление. Муж на этой знаменательной встрече отсутствовал. Он был в командировке в каком-то маленьком местечке где-то под Астраханью и не мог воспрепятствовать чудовищной афере, жертвой которой стала его доверчивая половина. Вернувшись, он обнаружил отсутствие денег, отложенных на солидную покупку, отсутствие означенной покупки и наличие своей любимой жены в слезах. Амелин выманил у несчастной, но глупой жертвы деньги якобы на приобретение уникальной музейной редкости, которая чисто случайно попала ему в руки и жаждала перейти в прекрасные ручки Анны. После этого он исчез.

Анна, видимо, крепким умом не отличалась, или все ее умственные способности улетучились от бурных переживаний и чувств, или она была здорово уверена в своей женской привлекательности, но ни адреса, ни настоящего телефона Амелина она не знала. Видела только один раз читательский билет, но в какую именно библиотеку, она не запомнила.

Несчастный муж побежал в милицию, где над ним же еще и посмеялись. Вернувшись домой, он всыпал своей легковерной половине по первое число и отправил ее дежурить возле всех библиотек города одновременно. У него была надежда отловить мерзавца, но она оказалась тщетной, ибо мерзавец не появлялся нигде. Случилась эта история пару недель назад, но жажда мести не угасала в душе мужа. Обменявшись проклятиями в адрес Амелина, мы распрощались. Я еще успела всучить ему свой телефон, дабы он знал, куда звонить, если будут новости.

– Удивительно, какая разносторонняя натура у этого негодяя, – восхитилась я, – он и взломщик, и мошенник, и дерется здорово, и книгами увлекается, и на выставки ходит. С какими еще гранями его натуры предстоит нам ознакомиться?

– Он наверняка и брачным аферистом подрабатывает, – поддержала меня Наташа.

– У нас есть еще несколько бумажек с телефонами. Позвоним?

– Какие вопросы? Обязательно, – ответила Наташа.

Увы, до остальных абонентов я не дозвонилась. Лишь

предпоследний телефон оказался удачным и выдал нам информацию, аналогичную полученной от мужа Анны, с той лишь разницей, что в этой истории жертвой оказалась не жена, а дочка.

– Ничего святого для него нет, обмануть такого чистого ребенка, надругаться над ее верой в людей, – возмущался отец пострадавшей. Самой пострадавшей не было дома. Она уехала залечивать свои оскорбленные чувства в Египет, из чего я заключила, что пропавшие деньги не нанесли ей реального ущерба.

Ребенку, как я узнала, перевалило за 30, и ее уже успело бросить двое мужей, а сейчас она собиралась замуж в третий раз. Но для родителей дитя всегда вечное дитя, которое нуждается в опеке. Этому типу я тоже оставила свой телефон, но скрепя сердце. В обычное время меня не заставили бы поддерживать с ним отношения ни за какие коврижки. Уж очень скандальным он оказался человеком. Так кричать из-за денег! Но на войне как на войне.

– Подведем итоги, – предложила я. – Имеем подозреваемого мужского пола. Возраст его... Как, по-твоему, сколько ему?

– На вид лет 25—26, но я могу и ошибаться. Но что меньше ему быть не может, в этом я уверена совершенно точно.

– Образ жизни – паразитический. Занимается мошенничеством, выманивая деньги у доверчивых женщин. Слишком доверчивых, я бы сказала. Умело пользуется своим муж-

ским шармом, разбирается в искусстве, литературе. Интеллигентен, обаятелен. Даже на фотографии видно, что он симпатяга. Знаком с уголовным миром. Такого виртуозного владения отмычкой я уже давненько не встречала. Замок как новый. Отмычки у него хорошего качества. Тюрьма по нему плачет. Это что касается его сущности.

– Теперь поговорим о его положении в обществе, социальном статусе, – подхватила Наташа. – Возможно, учится в университете, а живет один, без жены. Если был бы женат, то свалил бы все бытовые хлопоты на жену, а он помнит и про колбасу, которую купить надо, и про белье в прачечной. Вот только зачем он ездит за город? Наверное, на дачу. Или?

– О его месте в банде разговор особый. Кличка его Агент. Те двое в кафе говорили, что квартиру Агент осматривает. Я тогда еще подумала, что агент по недвижимости, а оказалось, что по взлому. Ловит свои жертвы на выставках, в театрах, музеях. И бывает в Публичке по понедельникам. Я все перечислила?

– Все, что нас может интересовать. Каков наш план действий?

– Есть пара телефонов, надо дозвониться по ним, но вряд ли мы узнаем что-то новое. Со своими жертвами он не откровенничает, и правильно делает. Сейчас сложим все прищипки Амелина обратно в сумку и отнесем ее в милицию, если, конечно, капитан еще в отделении. Потом продумаем маскировку на завтра и все подготовим. Косметику, одежду,

парики. И еще надо не забыть снять копии со всех его писуллек. А одно это может с ума свести.

– Здесь некоторые записки написаны другим почерком. Как нам с ними быть? Неужели мы тоже будем их переписывать?

– Ой, какая я рассеянная! – хлопнула я себя по лбу. – Да и ты не лучше. Кто живет в нашем доме на первом этаже? Вернее, не живет, а работает, но работает так долго, что можно считать, что живет.

– Никто там не живет, – недоуменно пожала плечами Наташа, – ты не хуже меня знаешь, что там ателье проката.

– В котором работает Геночка. А у Геночки есть ксерокс. К нему, родимому, мы и отправимся со всеми нашими бумажками. Он хороший и не сможет нам отказать в такой малости. Бумажки все маленькие, и мы сумеем расположить их на одном листе. Большого убытка мы ему не принесем.

– Молодец, Даша, здорово сообразила, – похвалила меня Наташа, – а то горбатились бы сейчас, переписывая эту макулатуру. Вперед!

И Наташа, позабыв об элементарной осторожности, уже дергала входную дверь, пытаясь попасть на лестничную клетку, где, возможно, нас уже поджидали. Совершенно потеряла осторожность. Поражаясь ее поведению, я успела перехватить ее в последний момент. Она проявила удивительную быстроту и ловкость в обращении с моими замками. Что было излишне, по моему мнению.

– Фантастика! – оскорбилась я на свои замки. – Похоже, только я с ними мучаюсь. Все остальные расправляются с ними шутя. Позвольте узнать, – продолжила я, от возмущения переходя с Наташей на «вы», – отчего вы так легкомысленны? Если вас не волнует, что на лестнице могут нас поджидать, то мне не все равно. Поэтому будьте добры, вооружитесь. Или я отказываюсь выходить из квартиры.

Наташа на секунду задумалась и выдвинула контрпредложение, которое сразило меня своей простотой и легкостью исполнения:

– Лучше я позвоню Руслану и попрошу его подняться сюда. Хватит ему просиживать диван.

– Прекрасно, – обрадовалась я, – но все-таки я захвачу выбивалку для ковров. Если она годится для ковров, то и для бандитов сгодится.

Наташа не возражала. Итак, мы дождались охраны в лице Руслан, вооружились выбивалкой и не забыли прихватить записочки, читательский билет и прочую бумажную рухлядь. Потом мы торжественно прошествовали по единственной лестнице в нашем доме в ателье видеопроката, которое располагалось в бывшем помещении дворницкой. Про эту дворницкую в доме ходили легенды.

Несколько лет тому назад по никому из ныне здравствующих жильцов дома не известной причине привычные обитатели дворницкой исчезли, захватив с собой весь свой рабочий инвентарь. Происшедшее было окружено мрачной заве-

сой тайны, и говорить о случившемся в приличном обществе не рекомендовалось. Я не раз и не два пыталась найти объяснение этому у старожиллов нашего дома, но всегда натыкалась на странное молчание. Единственное, известное точно, было то, что пропавшие дворники, все поголовно, отличались просто фанатичной любовью к чистоте и порядку. Подобных чистоты и порядка наш дом больше не знал. И был еще один любопытный факт их исчезновения. Все они пропали в одночасье. Вечером их видели многие жильцы, и ничего необычного в их поведении никем замечено не было. А наутро, обеспокоенные отсутствием привычных движений на лестнице, бабушки постучали в дворницкую и не получили разрешения войти. Тогда они вошли без разрешения. Их взору предстала комната, давно нуждавшаяся в ремонте. Она была практически пуста. В ней не было ничего. Единственное исключение составлял обшарпанный стол в центре комнаты, на котором в ведре гордо возвышалась швабра с надетой на нее ветхой тряпкой. Из-за гулявшего по комнате ветра тряпка начала развеиваться наподобие флага. Старушки были поражены – может быть, именно этого и добивались пропавшие.

После дворников в пустую каморку, сделав предварительно ремонт, въехал видеосалон, который просуществовал около года и тоже внезапно исчез. Охваченные гнетущими предчувствиями, жильцы дома выжидали. Следующими туда въехали психотерапевт, продуктовая лавочка и сапожник.

Они въехали, конечно, не одновременно, а по очереди. Одновременно они бы там просто не поместились. И естественно, что, пробыв по несколько месяцев в этой нехорошей комнате, они пропадали в неизвестном направлении вместе со своим товаром, инструментами, материалом и так далее.

Вот в этом-то загадочном месте и помещалось сейчас ателье нашего Гены. Он был неистовый любитель и знаток отечественного и зарубежного кинематографа. Он мог посоветовать к просмотру фильм на любой вкус. А зачастую просто извлечь из-под своего стола видеокассету, которую вы уже отчаялись найти на прилавках города. Меня он частенько осчастливливал такими перлами, как «Армагеддон», «9 с половиной недель», «Молчание ягнят», а позднее «Интервью с вампиром». При этом все кассеты были всегда в отличном состоянии. Их не приходилось ждать в очереди или кланчить у знакомых. Они просто лежали и поджидали подходящего клиента у Генки под столом. Они счастливо подстерегали меня у Генки и в то время, когда я металась по знакомым магазинчикам и безуспешно пыталась их найти.

В обычной жизни, не связанной с его любимыми фильмами, он был типичным рассеянным с улицы Бассейной. Постоянно забывал или путал кучу вещей. Но над свитером грубой вязки, который он носил, по моим наблюдениям, 300 дней в году, кроме двух летних месяцев, маячило славное худощавое лицо, на котором светились доверчивые и добрые глаза влюбленного сеттера. Он был чудачком, которого, каза-

лось бы, ничего не стоило обмануть. Но почему-то никто не решался. Это была еще одна тайна, а так как он работал в странной дворницкой, то эти загадки перемешивались между собой, наслаивались друг на друга и окружали Гену плотной завесой непознанного.

Однако в данный момент нас с Наташей интересовал не Гена как таковой, а Гена как обладатель ксерокса. Ксерокс стоял в самом ателье, или, как говорил Гена, в «моем офисе». И если учесть, что дверь «офиса» не была снабжена сигнализацией или приличными замками, то дело принимало совсем уж мистический оттенок. Как в наше беспокойное время Генке удавалось сохранять свою технику в неприкосновенности, было неясно.

Вот в это заведение мы и прошествовали. Генка явно обрадовался, когда увидел нас, и громко закричал:

– Здорово, ребята! Давненько не виделись!

Он совершенно позабыл, что беседовал лично со мной около почтовых ящиков не далее как вчера. И в этот момент мимо нас проходили Наташа и Руслан, которые поздоровались с нами и присоединились к обсуждению проблемы подделки голографических картинок на лицензионных кассетах. Махнув рукой на его странности, я постаралась улыбнуться как можно соблазнительнее, но, по-моему, он этого не заметил. Говорить с соблазнительной улыбкой на устах было невероятно трудно. Она все время норовила перейти в отвратительную гримасу. И я немного притушила свою

улыбку.

– Как поживаешь, Геночка? – вежливо поинтересовалась я и опять усиленно заулыбалась.

– Ничего, все в порядке. А почему ты смеешься? – И добавил, немного подумав: – Я сегодня даже побрился.

– Восхитительно выглядишь, – согласилась я и неожиданно для самой себя начала сдавленно хихикать, погубив тем самым все планы по обольщению Генки.

– Гена, у нас к тебе дело огромной для нас важности, – серьезно проговорила Наташа, возмущенно косясь на меня одним глазом.

– Хи-хи-хи, ха-ха-ха, – продолжала я заливаться беспричинным смехом. – Помогите нам, пожалуйста, ха-ха. – Вот чертова комната! Ведь я знала, что здесь нечисто, а все-таки сомневалась. Теперь последние сомнения отпали. Никогда со мной не бывало раньше приступов такого идиотского смеха.

Руслан вступил в беседу и начал чисто по-мужски:

– Дуры эти бабы, но ты уж ради меня сделай, что они у тебя попросят, а то они не отстанут и будут зудеть у меня над ухом.

– Да что вы хотите, можно узнать?

После этого вопроса моя веселость улетучилась в момент. Так же внезапно, как и появилась. Все вздохнули с облегчением и с жаром кинулись объяснять:

– Ксерокс!

– Ксерокс!!

– Ксерокс!!!

Генка испуганно поглядел на нас и разрешил, сказав:

– Да, пожалуйста, пользуйтесь. Только бумаги у меня нет.

Бумагу я предусмотрительно захватила с собой, зная о его склонности все забывать. И пока Наташа с Русланом отвлекали от меня внимание Генки, распихала все бумажки по ксероксу. Лишний свидетель того, как я снимаю копии с вещей, чье происхождение было не совсем законно, мне был не нужен. Ведь как ни крути, а вещи были похищены у вора и утаены от милиции, а то, что это было проделано из лучших побуждений, никого бы не спасло. Гена, конечно, был славный мужик, но может случайно проговориться кому не надо по своей привычной рассеянности. Потому я и постаралась повернуть всю операцию в рекордно короткий срок. И постоянно стояла между ксероксом и Генкой, для верности опять начав ухмыляться. Поняв, что еще одного приступа моего хохота ему не выдержать, Гена перестал пытаться заглянуть через мое плечо. И отпустил нас с миром.

– Как ты думаешь, он не заметил, что именно мы копировали? – вдруг заволновалась Наташа, стоя уже на пороге моей квартиры.

– Я думаю, что он уже забыл о нашем визите, но в любом случае я постаралась все сделать незаметно.

– Молодец!

– Ну, девочки, я вам больше не нужен, – предпринял попытку слинять Руслан.

– Стоп! – скомандовала Наташа. – Куда ты собрался, мой муженек?

– У меня хоккей, сама понимаешь, что мне надо знать, чем кончится игра, – довольно робко оправдывался Руслан, почуяв, что хоккея в ближайшие часы ему не видать как собственных ушей.

– Потом посмотришь, – сказала бессердечная Наташа. – Я сейчас иду в милицию, чтобы отдать улики, случайно найденные мной на месте нашей драки. Тебе ясно? Ясно, кто будет провожать меня до отделения? Дашу можешь сразу исключить.

– Какие улики? – только и смог выдавить из себя Руслан.

Наташа не удостоила его ответом и гордо удалилась, напомнив мне, что я должна попытаться перезвонить по оставшимся телефонам, где никто раньше не отвечал. Чем я и занялась.

В двух местах осторожные женские голоса сказали, что никогда не знали Амелина Петра и в последнее время их никакие частные лица на деньги не опускали, а опускали только организации. Например, банки. Если я хочу, то они могут назвать, какие именно. Но я не хотела, и они успокаивались. Последний номер принадлежал некоей Алле Аркадьевне, которая висела на телефоне без зазрения совести. Я всякое терпение потеряла, пытаюсь до нее дозвониться. А дозвониться было уже вопросом принципа. И, наконец, я услышала:

– Алло, я слушаю.

– Алла Аркадьевна?

– Да, с кем имею честь разговаривать?

Какая любопытная! Что ей сказать? Скажу, что тоже имела счастье познакомиться с Амелиным.

– Я знакомая Амелина Пети.

– Ах, как же, помню. Очень милый юноша. Был у меня в гостях пару раз. Очень образованный и эрудированный. Сейчас молодежь редко интересуется предметами старины, а он прямо затрясся от восторга, когда увидел мою коллекцию...

– Пропало ли что-нибудь из вещей?

– Почему вы спрашиваете? А ведь действительно пропало уникальное издание стихов. Оно досталось мне по наследству от папы. Он был страстный поклонник восточной поэзии. Но я уверена, что книга просто куда-то завалилась. У меня часто вещи пропадают на время, а потом находятся. Правда, такая ценная – впервые. Но Петя не сделал бы ничего подобного. Поверьте, я разбираюсь в людях.

Я не стала переубеждать даму, которой посчастливилось до седых волос сохранить детскую веру в лучшее в человеческой природе. Я уточнила приметы Амелина, которые совпали с уже имеющимися у нас, и пожелала ей всего доброго. Телефона милого юноши у нее тоже не было. Дама стала мне надоедать. Ее жизнерадостная болтовня о современной молодежи порядком удручала меня, но я все-таки улучила момент и умудрилась продиктовать ей свой номер телефона

в одну из немногочисленных пауз в потоке ее фраз. Потом решительно распрощалась, в душе надеясь не услышать ее больше.

Ровно в полночь позвонила вернувшаяся из отделения Наталья. Задыхаясь от нетерпения поделиться новостями, она вопила в трубку, оглушая меня громовыми звуками своего голоса, который совершенно неожиданно стал громким.

– Преступник! – кричала она из трубки телефона. – Они его знают, он преступник! Он в милиции на учете!

Я без труда догадалась, что речь идет об Амелине.

– Он был замешан в трех аферах. В двух выступает как свидетель, а за третье дельце его до сих пор подозревают. Только доказательств у них на него нет. А по одним подозрениям человека, даже пусть он мерзавец, у нас не сажают.

– Они могут арестовать Амелина по твоим показаниям? – заинтересовалась я, но Наташа меня быстро разочаровала:

– В том-то и беда, что нет. Он не живет по адресу, по которому прописан. А родители не говорят, где он сейчас, – призналась Наталья. – Но я кое о чем договорилась, – и она многообещающе замолчала.

– О чем ты?

– Завтра расскажу. Встречаемся в половине первого у меня. Лады?

– Ладно. У тебя так у тебя. Пока.

И на сегодняшний день мои приключения закончились. Что меня ожидало назавтра, об этом я не хотела даже ду-

мать. Потому что предчувствовала, что ничего хорошего из предприятия Наташи выйти не может. Не такой она человек, чтобы все для меня сошло гладко. Убаюканная мрачными предчувствиями, я заснула, и мне снились кошмары, которые оказались веселыми комиксами по сравнению с грядущими событиями.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Назавтра в назначенное время, прихватив с собой необходимое снаряжение в виде парика, грима, косметики, перчаток, шарфиков различных расцветок и паспорта, я всю трезвонила в дверь к Наташке. Звонила я уже в течение пяти минут, не меньше, но за дверьми не раздавалось ни шороха. Я уж было решила, что ночью Наталью придушил собственный супруг (за то, что она заставила его тащиться с ней в милицию), как вдруг раздался хриплый голос, вопрошавший, кто я и что мне тут нужно. Я правдиво ответила, что Даша и что хочу видеть свою подругу.

Откуда у них взялся обладатель этого голоса? Смогла предположить только одно, что ночью к Наташе нагрянули неожиданно гости из отдаленных мест и она была вынуждена оставить их ночевать у себя. А может, это родственники? Но за дверью сказали:

– Ой! – Дверь без дальнейших расспросов отворилась. – Я проспала, – сокрушенно призналась Наташа.

Она могла бы этого и не говорить. Весь ее вид – помятый и нечесанный – говорил сам за себя. Хриплый голос, удививший меня, принадлежал все той же Наташе. Она со сна, оказывается, всегда сипела, как застарелый пьяница.

– Ты соображаешь, сколько сейчас времени? – набросилась я на нее. – Мы же к двум часам не успеем. Тебе только

умываться не меньше получаса нужно.

– Без паники, – отозвалась Наташа. – На водные процедуры хватит и двадцати минут. И могу обойтись без завтрака.

– Ты с ума сошла. Завтрак приготовлю я, а ты не трать времени и – марш мыться. Иначе я за себя не отвечаю.

Через каких-нибудь сорок минут мы бодренько пробежали к ближайшему входу в метро.

Удивительно, но в библиотеку нам удалось попасть без всяких проволочек. Постовой мельком глянул на наши пропуска и отвернулся.

– Куда теперь? – спросила Наташа.

– В туалет. Перевоплощаться. Кстати, о чем ты не захотела вчера вечером сообщить по телефону?

Последовало продолжительное молчание. Я уже предположила самые гнусные вещи, как вдруг Наташа заговорила:

– А-а, вспомнила. Я договорилась с капитаном Степановым, и он обещал держать нас в курсе – неофициально, ясное дело, – если будут какие-то новости. А говорить я тебе об этом не хотела, потому что телефон твой, милочка, может прослушиваться.

– Ну, прошу в кабинет, госпожа конспираторша.

Я затолкала Наташу в кабинку, где мы и приступили к изменению своих образов, решив на всякий случай слегка изменить и облик Наташи. Но увлеклись делом и чуточку пересолили. Я напялила на себя уже привычный парик и в один момент превратилась в жгучую брюнетку. Нанесла легкий

слой грима и покрылась загаром. Накрасила глаза, губы и обмоталась шифоновым шарфиком нежно-бежевого цвета. На мне была длинная шерстяная юбка неприметного кирпичного цвета, черная блузка и длинный вязаный жилет в клетку. Мой теперешний облик ничем не напоминал девушку, которую бандиты видели в кафе.

Наталья была в синих джинсах и темно-синем бадлоне. Волосы она собрала в хвост и надела очки с простыми стеклами. Очки ей шли и к тому же изменили ее до неузнаваемости. Гримом она тоже воспользовалась – надо же было замазать свои синяки. И чтобы я не слишком выделялась, как она мне объяснила. Я оглядела нас с пристрастием и осталась довольна. И в смысле эстетики, и в смысле неузнаваемости камуфляж нам удался на славу. Теперь оставалось обнаружить тех или того, из-за кого мы замаскировались. Иначе вся возня пошла бы насмарку. Глупо щеголять по библиотеке, вырядившись как попугай.

Хихиканье и наши возбужденные восклицания были слышны на весь туалет, что выяснилось, когда мы, очень гордые собой и своей новой внешностью, вышли «в люди». Нас встретили задумчивые и пытливые взгляды многочисленного общества, собравшегося тут. Общество сплошь состояло из пожилых дам. Они, видимо, хотели что-то у нас спросить. Скорее всего нечто нескромное, потому что выражение их лиц я не назвала бы одобрительным. Мы верно поняли их и постарались покинуть комнату с наивозможной быстротой,

провожаемые дружным молчанием, настолько полным негодования, насколько только молчание может быть чем-то заполнено.

Отойдя от опасного места с максимальной скоростью, приличествующей двум девушкам, старающимся сбежать побыстрее, но одновременно пытающимся сохранить чувство собственного достоинства, мы свернули за угол и смогли там наконец-то отдышаться.

– О чем они могли подумать? – тревожно поинтересовалась я. – Там было несколько подружек моей мамы. Если они меня узнали, то можно меня сразу пристрелить. Они расскажут матери, что ее дочь запирается в кабинке туалета с некоей особой и они обе там глупо хихикают, а потом ее дочь выползает оттуда накрашенная, как панельная девка. И добавляют еще от себя пару замечаний. Они же не смогут ограничиться одними фактами. Хотя и голые факты выглядят неутешительно, но эти язвы обязательно придумают какое-нибудь грязное объяснение моему поведению. Самое меньшее, чем они ограничатся, – что я лесбиянка. Ты понимаешь весь ужас положения, в которое я попала из-за собственной неосторожности?

Наташа ответила, что понимает прекрасно, но тетки вряд ли узнали меня и могут лишь подозревать, кто именно был в кабинке. И потому они не пойдут к моей маме жаловаться на мое аморальное поведение. Потому что побоятся попасть в глупое положение. Если там была не я, они будут выглядеть

в глазах библиотечного общества как грязные сплетницы, а им этого не захочется. Самое большое, что смогут они сказать маме при случае, что видели девушку с угольным цветом волос, которая непристойно хихикала возле унитаза. Но мало ли кто это мог быть!

Несколько утешившись этими сумбурными объяснениями, я предложила осторожно, чтобы не нарваться больше на знакомых, пробраться к залу техники, который был конечной целью нашей вылазки.

Наслушавшись вчера по телефону о разносторонних увлечениях Амелина, я пришла к выводу, что единственное объединяющее его интересы звено – это криминал. Непорядочность его, присутствующая в рассказах о нем, не позволяла усомниться, что и сюда он явился с целью кого-то обмануть или, может быть, украсть редкий фолиант.

Работая в свое время в Публичке, я вдоволь повидала удивительных шедевров – начиная от подлинных писем Наполеона к разным людям до микроскопического экземпляра сборника сказов Бажова, размером со спичечный коробок. Хранились здесь уникальные словари и рукописи. И была комната Фауста. Допустим, что саму комнату Амелину даже с друзьями свистнуть не удастся, но рукописные Библии с изумительными по красоте иллюстрациями, книги, от которых так и веяло древностью, вполне могли быть похищены. А ведь дотрагиваясь до них, ты как бы соприкасаешься с бесчисленными поколениями людей, державших эти книги

в руках за столетия до тебя. Они хранились с величайшей тщательностью и считались святыней библиотеки, но это совсем не означало, что этим они полностью застрахованы от воров.

И эти бандиты могут украсть все – даже мою любимую Библию, чей переплет украшен огромным аметистом! И хотя она подвешена над столом на двух цепях, – им замки и цепи не помеха. И письма Вольтера тоже могут украсть, и еще тысячи вещей.

Как-то до сих пор я воспринимала бандитов безотносительно к убыткам, какие они могут нанести честным людям. Погром в моей квартире я давно им простила. Что взять с мужчин, которые и в собственном доме постоянно все ломают. Но только теперь до меня дошло, что ценности, хранящиеся в библиотеке и в других местах, находятся под угрозой. Все замерло внутри от ужаса. Одновременно я почувствовала прилив сил и бешенства.

Я стояла с выпученными глазами и открытым ртом. Не позволю! Не позволю им украсть у нас наше литературное богатство. На что же я буду любоваться, если бандиты все украдут? Сначала одну, потом другую книгу и постепенно вынесут все сокровища, принадлежавшие, как ни банально это звучит, всему нашему российскому народу. Ведь когда вы наслаждаетесь их видом и содержимым, то книги в этот момент принадлежат вам, а не библиотеке, которой только дозволяется их хранить.

– Наташа! – в ужасе я чересчур громко зашипела ей в ухо, и она испуганно шарахнулась от меня.

– Что за шутки? Так человека можно на всю жизнь зайкой сделать, – обиделась подруга.

– Наташа, следующее преступление они совершат здесь. Я только сейчас поняла это. Меня озарило.

Наташа с интересом взглянула на меня.

– Где? Вот именно на этом месте, где мы стоим? – уточнила она, ничуть не усомнившись в моей правоте.

– Нет, в библиотеке, но где именно – не знаю. И мы должны установить это сегодня.

– Так пойдем, куда запланировали. Зал техники уже ждался нас, – с готовностью предложила Наташа.

По дороге мы не встретили никого, кто бы даже отдаленно напомнил бандита. Чаще всего попадались преклонного возраста кандидаты в мир иной обоих полов. Было много откровенных негров и застенчивых девушек белого цвета. Иногда встречались голубоватые парочки. Но основную массу присутствующих в этом хранилище мудрости составляли женщины всех возрастов, размеров и мастей. В них, женщинах, невзирая на различия в материальном и духовном планах, было нечто неуловимое, присущее лишь библиотечным работникам. словно легкий слой пыли легким облачком поднялся с древних манускриптов и осел на их хранилищах. Чуть заметная бледность, уместившаяся в складках их одежд, забившаяся в мельчайшие морщинки кожи лица и

рук, выдавала род их занятий.

Порой, встретив на улице незнакомую мне женщину, я с уверенностью могла определить ее профессию. Возможно, проработав здесь не три года, а лет двадцать, я постигла бы науку определения по оттенку и составу пыли, лежащей на ком-нибудь, даже конкретный раздел работы этого индивидуума. Но я вовремя удрала из библиотеки. Дело в том, что я тоже начала чувствовать себя раритетом, и мне это вовсе не нравилось. Библиотечная пыль – вещь необычайно коварная. Ее немного, но она постоянно вокруг тебя. От нее не спастись, принимая душ по два раза в день. Она незаметно въедается в вас. Настойчиво пытается проникнуть внутрь и окрасить ваш мир в идеальный серый цвет. Наверное, серое и правда практично, но я предпочитаю более яркие расцветки и тона.

В нас с Наташей библиотечные работники незамедлительно узнавали читательниц, то есть людей извне, не принадлежавших всем телом и душой к этому храму знаний. То, что они нас безошибочно определяли, меня не порадовало. Я то планировала незаметно пробраться по чугунной витой лестнице в служебные помещения, расположенные в виде балкона над залом техники. Балкон для нас был бы удобным пунктом наблюдения. Сверху зал лежал как на ладони. А через прихваченный из дома папин полевой бинокль мы смогли бы сосчитать количество вставных зубов у любого сидящего внизу или неспешно передвигающегося мимо состав-

ленных в ряды столов человека.

В конце концов мы решили, что для начала постараемся прокрасться наверх, где окопаемся, по возможности, надолго. В случае атаки со стороны библиотекарей будем прикидываться затюканными студентками, заблудившимися в лабиринтах стеллажей. Это правдоподобно. Я сама нередко плутала в дебрях библиотечных фондов.

Еще мне не давал покоя вопрос, здесь ли человек, которого капитан Степанов обещал отрядить на охрану моей драгоценной персоны. Идя по улице и спускаясь в метро, я безуспешно высматривала свою охрану, с пристрастием изучала физиономии сидящих напротив людей. Я так энергично крутила головой во все стороны, что Наташка, заподозрив неладное, принялась выпытывать, кого я ищу.

Я благоразумно умалчивала о присутствии возле меня телохранителя, желая избежать попыток Наташи оторваться от «хвоста». Я и сама толком не разобралась в собственных ощущениях. С одной стороны, совсем неплохо чувствовать за собой надежный тыл, а с другой – приключение уже засосало меня с головой, и всюду таскать за собой милицию мне не улыбалось. Никогда не знаешь, что милиция может придумать в следующий момент.

Если бы мы встретили в библиотеке одного или двух членов шайки, то во сто крат занятнее было бы выследить их самим и до поры не брать милицию в расчет. Охваченная противоречивыми чувствами, разрываясь между здравым смыс-

лом и жадностью к приключениям, я хранила подлое молчание о возможном «хвосте».

Мы с Наташей просочились на балкон и спрятались между многоярусными шкафами, на чьих полках покоилось неисчислимое количество папок и тому подобной макулатуры. Чем именно занимаются здесь сотрудники, догадаться не представлялось возможным. Папки были разложены по неизвестному нам алфавиту, в котором после буквы «А» сразу шла буква «К», а возле «Н» пристроилась «Р». Ко всем прочим сложностям на некоторых папках стоял номер, не поддающийся анализу. Но мы забрались сюда не для решения алфавитных ребусов.

– Видимость отличная, – поделилась со мной Наташа вполголоса, справедливо опасаясь привлечь к себе внимание окружающих. – Доставай бинокль, чего тормозишь? – войдя в азарт, прошептала она.

Я молча извлекла его и принялась настраивать линзы для своих глаз. Не знаю, кто уж им пользовался в последний раз, но возилась я долго.

– Такого плохого зрения просто не бывает. Что они с биноклем делали? Уму непостижимо, – возмущалась я.

– Дай мне, я тоже хочу поглядеть, – заканючила над ухом Наташка.

– Сейчас.

Оглядев внимательно зал сквозь линзы бинокля, я не заметила никого, кто был бы знаком мне и подозрителен. У си-

дящих внизу людей был коллективно респектабельный вид. Я тяжело вздохнула и передала бинокль Наташе:

– Смотри сколько влезет. Никого там нет. А время, хочу заметить, уже без пяти два.

Наташа детально изучила внешность всех наблюдаемых и резюмировала:

– Будем ждать.

Ничего другого не оставалось. Напротив нас висели огромные настенные часы, и я периодически поглядывала на их стрелки. Когда большая приблизилась к пяти минутам третьего, я ощутила тычок в бок от Наташи. Она молча указывала пальцем на типа, который стоял в дверях.

– Узнаешь его? – поинтересовалась она и в оправдание добавила: – Он подозрительно выглядит. У него есть что-то преступное в лице.

– Затрудняюсь определить так сразу. Очень неуловимое выражение лица, но это точно не Амелин.

Презрительно фыркнув, Наташа опять впялила свой взор в типа, стоящего в дверях. Он тоже высматривал кого-то в зале. Наш разговор не пропал даром, он был услышан, и перед нами материализовалась пожилая дама, пожелавшая узнать, кто мы такие и знаем ли, где находимся. Мы знали, но с места не двинулись, потому что в это время наш подопечный увидел наконец своего знакомого и мотнул головой, приглашая того выйти поговорить. Я с любопытством перевела взгляд на зал, чтобы увидеть, кто отреагировал на его приглашение.

– Девочки, откуда вы здесь взялись? – надрывалась над ухом наша настойчивая дама. – Вы сотрудницы? Тут служебное помещение.

Наташа вяло мямлила в ответ, что мы не знали, больше не будем, скоро собирались уйти и прочее.

Единственное живое существо, которое отреагировало на приглашение типа в дверях идвигающееся сейчас по направлению к выходу, было девушкой в плотно облегающих ее попку блестящих штанах. Штаны!! Я пристально изучала только лица, принадлежавшие мужчинам старше 18 лет. На женские лица я почти не глядела, а на их попки и подавно. И напрасно. Эту девицу я уже встречала, а штаны мелькали передо мной даже пару раз. Они определенно были хорошо мне знакомы. Надо было не терять времени и бежать за ней.

Я мило улыбнулась даме, почтив наконец ее своим вниманием, и произнесла ласковым голосом:

– Извините нас за беспокойство. Мы и правда заблудились.

Бормоча извинения и одновременно с этим запихивая бинокль в сумку, я тут же повторно уверяла, что мы заплутали.

– Видите, мы даже бинокль доставали, выход высматривали.

После этой фразы Наташи взгляд библиотечной дамы, доселе пылавший жадой расправы, приобрел жалостливое выражение. На лице проявилось что-то материнское.

«Бедные девочки, они совсем заучились», – видимо, поду-

малось даме, потому что она заботливо довела нас до лестницы и пыталась проводить до гардероба. Но мы вежливо отклонили ее любезное предложение и скатились вниз со всей доступной для наших ног скоростью.

– Это она! – возбужденно восклицала я. – Определенно, я ее где-то видела... В Эрмитаже, позавчера! Мы столкнулись с ней нос к носу. А ее штаны я видела позднее в толпе. То, что она крутится там, где и мы, – очень подозрительно. Это не просто так. И твой подозрительный мужик тоже с ней. Все одно к одному.

Невзирая на некоторую путаность моих объяснений, Наташа верно сориентировалась. Она усекла главное – что ситуация осложнилась появлением неучтенной девицы. Она не фигурировала в моих рассказах. Я и сама вспомнила о ней, лишь увидев ее в тот момент, когда она торопилась скорей добраться до своего знакомого.

Мы увидели их мирно беседующими, как только сами вышли из зала. Они заняли два стула возле круглого стола, стоящего в холле. Подобраться к ним незаметно было нереально, и нам оставалось лишь наблюдать из укрытия, которое было обнаружено между очередными шкафами, за беседой тех двоих.

– Проследим за ними, – решила я, – если они вдруг разделятся, то ты берешь девку, так как она тебя раньше не видела, а мою маскировку может раскрыть. Я же пойду за мужиком.

– Вечно ты со своими мужиками. И почему тебе вечно достается то, что лучше, – неожиданно принялась выяснять отношения Наташа.

– Какое к черту лучшее! Ты шутишь, надеюсь. Не хватало сейчас нам с тобой делить мужиков.

Но Наталье решительно приглянулся этот тип, и она не сдавалась:

– Тебя девка никогда в этих лохмах не узнает. Поэтому я лучше возьму на себя мужчину. Хорошо?

Я чуть не придушила эту идиотку. Меня остановило то, что объекты нашей слежки оторвали свои седалища от стульев и целенаправленно устремились мимо шкафов, служащих нам укрытием, к лестнице, которая вела только вниз. Я пообещала Наталье тысячу неприятностей, если она не согласится следить за девицей, и с трудом добилась согласия. По-моему, Наташку больше всего волновало то, что девица спокойно направится к себе домой и, скорее всего, больше на улицу не выйдет. На мужчину Наташа возлагала большие надежды.

Дружными парами мы протопали мимо читательского гардероба. Еще одна головная боль для нас с Наташей. Читатели и сотрудники заходили в библиотеку через разные двери, с разных сторон здания. Соответственно, и раздевались в разных гардеробах. Нас с нашими пропусками никогда бы не допустили к читательскому входу, и, следовательно, нам не удалось раздеться в читательском гардеробе. Можно бы-

ло, конечно, раздеться у читателей и обежать затем вокруг здания, чтобы пройти через служебный вход, но на это у нас не хватило духу. Бегать по центру города без верхней одежды в 20-градусный мороз я бы не согласилась ни за что, а тем более из-за каких-то негодяев, которые еще неизвестно, явятся ли. У Наташи большого энтузиазма мое предложение пробежать кросс по морозцу тоже не вызвало, и мы спокойно разделись в принадлежащем нам по праву гардеробе. Теперь я горько жалела об упущенной возможности. Подумаешь, немного померзли бы, зато сейчас бы не волновались. Но толку? Сделанного не воротишь.

Миновав пару дверей и коридор, мы увидели вдруг, как наша парочка замедлила ход возле двери, которая вела, как я прекрасно знала, в отдел редкой книги, где и хранились реликвии былого. Книги, написанные на телячьей коже, называемой пергаментом, от руки древними монахами чуть ли не в IX веке. Девушка махнула рукой на эту дверь, привлекая внимание спутника. Мои худшие опасения начали подтверждаться. Я продолжала убеждать себя, что эти жесты ничего не значат, но в душе знала, что это конец. Конец для бандитов. Теперь я не выпущу их из поля зрения ни за какие коврижки.

– Они стоят возле отдела редкой книги. Там внутри хранятся книги, которые написаны еще от руки, или первопечатные, или раритеты.

Наталья не отреагировала, видимо, для нее была важнее

сама игра в следователей.

– За любую из тех книг можно купить твою квартиру два раза, – добавила я, чтобы она врубилась, насколько высока ценность этих книг, и оценила бы размах преступников по достоинству.

– За книгу? Ты спятила, – равнодушно произнесла она.

– Да ты хоть слышала про Остромирово Евангелие? Оно тоже хранится в библиотеке.

Наконец-то Наташку проняло. Она с благоговейным трепетом взглянула на дверь и здраво заметила:

– Дверь не железная, и взломать ее ничего не стоит. Такие богатства за простой дверью. Приходите и берите, пожалуйста.

– Не так, конечно, просто. Во-первых, милицейский пост, во-вторых, ночью патруль совершает обход всего здания библиотеки. Потом – на дверях сигнализация, а на окнах решетки. Но ты права – все охранные средства несовершенны, и при желании их можно легко обойти. А желание у этих ребят, судя по всему, есть, и немалое. Вон как крутятся возле двери. Чуть ли не облизывают ее.

Те двое решили, видимо, что увидели достаточно. Они пошли дальше, мы за ними, через все здание библиотеки. Девушка иногда останавливала своего приятеля и указывала ему то один, то другой коридоры. При этом она возбужденно переминалась с ноги на ногу, что-то ему втолковывала.

Мы дошли уже до милицейского поста возле служебного

входа. Девушка принялась опять настойчиво говорить что-то своему попутчику. При этом она энергично кивала на милиционера, беззаботно сидящего за своим столом и не подозревающего об угрозе, находившейся в непосредственной близости от него.

– Не может она громче говорить, что ли? – возмутилась Наташа, которая до сих пор смиренно вышагивала за ними без малейшего признака недовольства. – Дохлятина! Мне же не слышно.

– Они только о том и думают, как бы поменьше неудобств доставить Наташе, – только и смогла съязвить я, не сводя глаз с девушки.

Если судить по ее жестам, она собиралась спуститься в служебный гардероб, а мужику, следуя ее указаниям, надлежало обойти кругом и встретиться с ней уже на Невском. Неужели нам улыбнулась удача? И точно. Девушка, задорно блеснув напоследок на мужика глазом, убежала одеваться. Мы тоже побежали за ней. Больше нам деваться было некуда. Пальто-то наши висели в гардеробе, а без пальто мы бы далеко не ушли.

Возле милицейского поста у нас произошла заминка. Наташкин пропуск был выдан до 16 часов, а сейчас любые часы показывали самое большее без десяти минут три. Бюрократически настроенный милиционер требовал от Наташи отбыть весь срок полностью или домогался отметки из отдела кадров, куда мы не потрудились зайти. Наташа упрямо отка-

зывалась. Спор грозил затянуться. Выручил нас мальчишка, тащивший огромную зеленую сумку с книгами.

В библиотеке существовало и существует по сей день понятие «рейс». Означало оно следующее. Несколько раз в день затребованные читателями или находящиеся в обработке книги переносили из фондов, где они хранятся, в читальные залы или на абонемент. Вот такой рейс мы и повстречали. Книги сопровождалась кучей документов, в которых указывалось их число, иногда названия, место назначения и все такое прочее. Милиционер закопался с головой в бумаги, сверяя их с книгами, и на время забыл о нас. Когда он вспомнил и вспомнил ли вообще, я не знаю. Мы к тому времени были уже далеко. По правде говоря, мы были далеко уже ровно через полминуты, если считать с того момента, когда он наклонил свою голову над бумагами.

Нам надо было успеть проделать массу действий. Выудить гардеробщицу, которая, как назло, исчезла из поля зрения, получить наши пальто, одеться, не попадаясь на глаза девице. Догнать ее нам удалось только на Невском. И кавалер ее был тут же. Это нас искренне порадовало. Они опять оживленно поболтали о своем и перешли на другую сторону проспекта. Когда они оказались на другой стороне, то их стало уже трое. Где-то на середине пути к ним присоединился светлоголовый парень. Как это у него получилось, понять я не смогла. Мы же ни на миг глаз от этой парочки не отводили.

– Ты видела? Как он умудрился? – спросила я у Наташи.

– Ты его узнала? – вопросом на вопрос ответила она.

– Нет. Но неужели это Амелин?

– Он, голубчик, – с глубоким удовлетворением в голосе произнесла Наташа и вся прямо осветилась зловещей ухмылочкой.

Я поняла, что Амелину от расправы не уйти. Наташка может потратить годы своей бесценной жизни, но негодяя достанет. И не скрывается ему от нее, не спрячется. Бедняга. Тут я его могла даже немного пожалеть, потому что знала дьявольскую натуру Наташки, способную испортить жизнь кому угодно. Радости жизни ему больше не видать. Наташка умудрится полностью отравить ему существование. Так что он сам пойдет в милицию и покается во всех своих темных делишках, лишь бы от нее избавиться.

Тем временем этот бедняга, не подозревающий о несчастье, которое подстерегает его буквально за углом, обнял и поцеловал девицу в щечку, пожал руку мужику и они скрылись в дверях кафе-мороженого. Мы подобрались ко входу в подвальчик, где, собственно, и располагалось это кафе, и приступили к выработке новой стратегии.

– Как следует поступить в данном случае? – глубокомысленно спросила меня Наташа и добавила: – Вот вопрос, стоящий перед нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.